
Таня Бонд
шуршание
Нового года
2035/2036

Таня Бонд

Шуршание Нового года

«Автор»
2026

Бонд Т.

Шуршание Нового года / Т. Бонд — «Автор», 2026

Санкт- Петербург. 2035 год. семейный Новый год превратится в осознанный цифровой детокс и гибридный праздник. Дед Мороз живет в умном доме, ёлки стали голограммой, заведует маркетплейсом "Морозбери". Снеговик отвечает на электронные письма, баба Жара перестала печь пироги и блины, перешла на ПП-кухню, ведет блог о здоровом питании. Технологии рулят и постепенно вытесняют волшебство. Даже Дед Мороз начал терять свою волшебную силу и силу посоха.Только девочка Милана не сдаётся и верит, что Дед Мороз существует и волшебство есть среди нас. Удастся ли ей вернуть волшебный Новый год?

© Бонд Т., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 13
Глава 3 20
Глава 4 29

Таня Бонд
Шуршание Нового года

Глава 1

Милана проснулась за семь минут до будильника — об этом ей сообщил тихий голос ночника, когда она открыла глаза и сонно моргнула в его сторону.

— Доброе утро, Милана. До подъёма ещё немного, можешь поспать, — сказал ночник голосом, похожим на мамин, только без интонаций, с которыми мама всегда говорила по утрам, когда была не выспавшейся и немного сердитой.

Ночник мягко засветился голубоватым, потом стал тёплым, персиковым — подстраивался под неё, как делал всегда, если чувствовал, что сердце у неё бьётся быстрее обычного. А оно сегодня действительно билось быстро. Милана знала почему: до Нового года осталось совсем мало, и каждое утро это «мало» становилось ещё меньше.

Она не стала досыпать. Откинула одеяло с мишками, которые на самом деле не были настоящими мишками, а голографической анимацией — ночью они сопели и переворачивались на другой бок, если на одеяло никто не давил, — и босиком побежала к окну, забыв про тапочки.

За стеклом было темно, декабрьское утро в Петербурге наступало нехотя, будто само не верило, что пора. Зато соседний дом сиял. На его фасаде, там, где раньше, как рассказывала бабушка, вешали настоящую электрическую гирлянду с лампочками, теперь плыла ровная голографическая лента — синие и золотые цифры, сложенные в одну строку, которая каждую секунду становилась на единицу меньше.

«8 дней 17 часов 06 минут до Нового года 2036» — прочитала Милана по складам, хотя читала уже бегло, просто ей нравилось произносить числа медленно, будто от этого они шли медленнее тоже.

Она прижалась носом к стеклу. Стекло было холодным снаружи и чуть тёплым изнутри, там, где работал климат-контроль, и этот контраст ей нравился — единственное во всей квартире, что менялось само, без спроса у системы.

В гостиной, куда она прибежала следующей, у стены стояла ёлка. То есть не стояла — висела, выступая из стены ровно настолько, чтобы казаться объёмной: пушистая голубоватая ель с золотыми шарами, которые мягко покачивались, хотя ветра в комнате не было и быть не могло. Проекция была настроена ещё в ноябре, папа выбирал её из каталога вместе с мамой, долго спорили — брать классическую или снежную, остановились на классической, потому что снежная, по маминым словам, «моргала как неисправная лампа».

Милана подошла вплотную и, как делала каждое утро последние три недели, глубоко вдохнула.

Ничего. Воздух был обычным, чуть пах утренним озонатором, который включался по расписанию, и больше ничем. Ни смолой, ни морозом, ни той хвойной горечью, про которую бабушка говорила «как будто лес в дом занесли». Милана выдохнула разочарованно, но не удивлённо — она уже знала, что так будет, и всё равно проверяла, вдруг сегодня что-то изменится.

— Чопа, а ты чувствуешь? — спросила она у йорка, который тем временем вперевалку подошёл к проекции и деловито обнюхал пустоту там, где у настоящей ёлки была бы нижняя ветка.

Чопа фыркнул, чихнул — не от запаха, а просто так, по привычке, — и отвернулся с видом существа, у которого есть дела поважнее. На шее у него тихо мигнул огонёк умного

ошейника: «температура в норме, активность в норме, настроение: спокойное». Чопе было всё равно, настоящая ёлка или нет. Он давно привык, что в этой квартире многое ненастоящее — звук дождя за окном, запах выпечки по утрам, который на самом деле был ароматизатором вентиляции, — и не делал между этим разницы.

А Милана делала. Она прекрасно помнила, как в прошлом году — или это было позапрошлом — они с бабушкой ездили на дачу, и там, в сарае, бабушка хранила большую картонную коробку с ёлочными игрушками, которые пахли старой бумагой и нафталином, а стеклянные шары звенели, если их переложить. Бабушка умерла весной, дачу продали, и теперь у Миланы остался только этот голубоватый контур на стене, на который не повесишь ёлочные игрушки.

Она села на пол перед проекцией, скрестив ноги, и в руках у неё сам собой оказался мягкий ёжик-антистресс — она даже не заметила, как взяла его с полки, рука делала это привычно, пока голова думала о другом.

— Восемь дней, — прошептала она, загибая пальцы. — Нет. Семь уже, наверное.

Она не была уверена, что считает правильно, но порядок цифр её не особо волновал. Важно было другое: что дней оставалось мало, и значит, скоро — совсем скоро — должен приехать Дед Мороз. Настоящий. С бородой, с посохом, с мешком через плечо, таким тяжёлым, что он кряхтит, когда снимает его с плеча. Милана никогда его не видела, но представляла очень ясно, в деталях, какими представляют вещи, в которые очень хотят верить.

— В этом году точно, — сказала она ёжику-антистрессу, сжимая его в кулаке так, что иголки промялись внутрь, не колясь. — Я буду хорошо себя вести. Я уже три дня зубы чищу два раза, даже когда Глеб не видит.

За окном чернильное небо чуть посветлело, будто нехотя признавая, что утро всё-таки наступает. Голографическая гирлянда на соседнем доме мигнула новой цифрой: минута ушла, минута пришла. Чопа зевнул во всю пасть, звякнул ошейником и побрёл в сторону кухни, где по расписанию через четыре минуты должна была открыться автоматическая кормушка.

Милана осталась сидеть перед ёлкой-проекцией одна, прижимая к груди ёжика, и смотрела, как золотые шары качаются без ветра, беззвучно, мягко, будто им тоже совсем не нужен был запах, чтобы быть праздником. Ей — нужен. Но пока оставалось только ждать и считать дни, и она считала их так старательно, как будто от этого счёта и правда что-то зависело.

* * *

Чопа уже деловито крутился у кухни, когда Милана, оставив ёжика на полу перед погасшей проекцией, пошла на запах — настоящий, не из вентиляции: тёплого молока и подгоревшего тоста. На кухне было шумно, хотя никто не кричал по-настоящему, просто папа разговаривал громче обычного, глядя в воздух перед собой, где висел полупрозрачный синий кружок — значок голосового помощника.

— Нет, ты посмотри ещё раз, — говорил папа, тыча вилкой в сторону кружка так, будто тот мог обидеться. — У меня в отчёте сто сорок фур, а твоя программа насчитала сто тридцать семь. Откуда три фуры делись, скажи мне?

Кружок мигнул ровным, вежливым голосом, каким в их доме говорили только роботы:

— Данные синхронизированы с центральным сервером «Морозбери» в три ноль-ноль. Расхождение может быть связано с задержкой обновления партии.

— Задержкой обновления партии, — повторил папа с таким лицом, будто ему между делом сказали, что снег теперь белый не везде. — Три фуры у меня не задержка обновления, Валера, три фуры — это три фуры.

Папа называл помощника Валерой, хотя никакого Валеры никогда не было, просто так когда-то само прижилось, и теперь вся семья звала голос из колонки Валерой, даже Чопа, кажется, откликался на это имя иногда быстрее, чем на своё.

Милана села за стол, подтянула к себе чашку с какао, в которой молоко уже само вспенилось нужным узором — звёздочкой, потому что сегодня было минус семь и система решила,

что звёздочка уместна, — и стала смотреть то на папу, то на маму. Мама сидела напротив, не поднимая головы от планшета, где мелькали чьи-то рентгеновские снимки зубов, и один раз, не отрываясь, бросила флакончик с ополаскивателем в сумку, как будто делала это по привычке, не думая.

— Опять эти чудеса техники, — сказала мама в пустоту, не обращаясь особо ни к кому, скорее к самой себе, — то же самое, что чудеса под ёлкой. Одна видимость.

Она сказала это таким обычным голосом, каким говорят про погоду, но Милане почему-то стало немного зябко от этих слов, хотя она не совсем поняла, при чём тут ёлка.

Папа тем временем продолжал спорить с Валерой, уже тише, но не менее упрямо, записывая что-то в толстый бумажный ежедневник, который всегда держал под рукой — единственная бумажная вещь на всей кухне, исписанная его мелким почерком.

Милана подождала немного, пока в разговоре не возникла хоть маленькая щель, и спросила, стараясь, чтобы голос прозвучал как можно более обычно, будто она спрашивает про уроки или про прогулку:

— Мам, а когда мы будем письмо Деду Морозу писать? Мы же всегда в декабре писали.

Она хорошо помнила, как в прошлые годы мама доставала из шкафа коробку с цветной бумагой, они вместе рисовали снежинки по краям листа, и потом долго думали, что написать — и про успехи, и про то, что она старалась, — и это всегда было важным делом, не на бегу, с чаем на столе.

Мама подняла взгляд от планшета ровно на секунду, улыбнулась краешком губ и снова уткнулась в снимок чьей-то челюсти.

— В этом году проще через приложение, детка. Там форма есть, заявку отправишь — и всё, никаких конвертов искать не надо.

И снова опустила глаза, будто вопрос был закрыт так же легко, как открывался.

Папа тем временем, продолжая смотреть на синий кружок, протянул руку и машинально погладил Милану по макушке — так гладят кошку, не глядя, по привычке, — и тут же убрал руку обратно, потому что Валера что-то сказал про топливные расходы, и папа снова нахмурился.

— Нет, ты мне назови источник данных, — сказал он кружку. — Не общие слова, а источник.

Милана посмотрела на свою чашку какао, где звёздочка на молоке уже начала расплываться, теряя лучи. За стол, напротив неё сел Глеб, он насыпал хлопья, глядя куда-то в сторону, и вдруг коротко фыркнул носом — не громко, но так, что Милана это заметила, — и молча покачал головой, как будто услышал что-то очень глупое и не стал даже тратить слова на это.

Он ничего не сказал. Просто фыркнул, покачал головой и снова уткнулся в тарелку, будто приберегал что-то на потом, какую-то мысль, которую пока не хотел произносить вслух при родителях.

Милана отвернулась от него и стала смотреть на кружок Валеры, который всё ещё терпеливо перебирал цифры про фуры, и подумала, что приложение — это, наверное, тоже неплохо, только оно не пахнет клеем и фломастерами, и снежинки по краям листа в нём, скорее всего, рисовать не придётся.

* * *

В своей комнате Милана опустилась на пол перед кроватью и достала из-под подушки сложенный вчетверо лист. Черновик письма она прятала там третий день, подрисовывая на свободных полях снежинки, хотя компьютер и предлагал готовый шаблон с пунктами для галочек. Она развернула лист на коленях, разгладила ладошкой сгибы и крикнула в приоткрытую дверь:

— Глеб! Иди сюда, посмотри список!

Брат появился не сразу, держа в руке наушник, который на ходу выключил и сунул в карман толстовки. Он сел на край её кровати, скрестив руки, и взглянул на лист сверху вниз с таким видом, с каким смотрел на контрольную, которую уже решил на максимум.

— Смотри, — сказала Милана, тыча пальцем в строчки. — Я написала про конструктор, про коньки, а ещё вот тут — чтобы Чопе купили новый ошейник, у него старый уже мигает через раз. Как думаешь, Дед Мороз всё это прочитает?

Глеб хмыкнул, и хмыканье получилось таким взрослым, что Милана на секунду растерялась, не зная, смеяться ей или нет.

— Милан, — сказал он, выговаривая её имя чуть снисходительно, будто учитель, который устал повторять одно и то же. — Тебе семь, а не три. Пора бы уже знать, что никакого Деда Мороза нет.

Она моргнула. Слова прозвучали так ровно и буднично, будто он сказал, что суп остыл.

— Как это нет, — проговорила она, ещё не веря, что услышала правильно. — Он же есть. Он приезжает.

— Никто никуда не приезжает. — Глеб подвинулся ближе и взял у неё листок, перевернул его, будто проверял, не написано ли что на обороте. — Смотри, я тебе сейчас всё объясню, как есть. Подарки покупают мама с папой. Обычно мама — она в приложении заказывает, я видел историю заказов у неё на планшете в прошлом году. Письма эти, — он кивнул на листок, — читает не дед какой-то, а алгоритм, он сортирует их по словам, выбирает, что подарить, и всё, передаёт родителям список. А борода у актёров в торговом центре, — он постучал себя по подбородку, — вообще синтетика. Я трогал один раз, когда маленький был, она на ощупь как кукольные волосы, даже хуже.

Он говорил размеренно, по пунктам, точно так, как объяснял ей задачки по математике, когда она путала плюс с минусом, и от этой размеренности было почему-то ещё обиднее, чем если бы он просто дразнился.

— Но он же звонил мне, — сказала Милана тихо, прижимая к груди игрушку-осьминога, которую до этого крутила в руках. — В прошлом году. По видеосвязи. Он знал, что я учусь читать, и спросил про букву «эр», у меня как раз с ней не получалось.

— Совпадение, — отрезал Глеб, не дав ей договорить. — Мама с папой это всем родителям в классе рассказывают, у кого что не получается, на родительском чате. А потом фирма, которая звонки делает, просто вставляет это в сценарий. Это называется персонализация, нам в школе объясняли. — Он произнёс слово по слогам, будто гордился, что знает его. — И подарок тот, помнишь, про который ты всем рассказывала, что он тебе прям такой нужный достался, который ты никому не говорила? Так мама просто угадала. Она тебя давно знает, Милан. Не надо тут магии искать.

Милана почувствовала, как у неё задрожал подбородок, а потом и губы, и она сжала кулак так, что бумажный лист под пальцами хрустнул, сминаясь. Она хотела сказать что-то ещё, про то, как в прошлом году на снегу под окном остались следы от саней, большие и глубокие, каких ни у одной машины не бывает, но слова застряли где-то в горле, не вышли, и вместо них получился только всхлип.

Глеб этого словно не заметил. Он поднялся с кровати, одёрнул толстовку и достал из кармана наушник, снова вставляя его в ухо.

— Ладно, мне ещё домашку доделывать, — сказал он уже на ходу, не оборачиваясь. — У меня там репетитор ждёт, а то опять скажет, что я тему не закрыл.

Он вышел, оставив дверь приоткрытой ровно настолько, насколько она была открыта до этого, будто ничего не произошло, будто он просто зашёл спросить про уроки.

Милана осталась сидеть на полу, сжимая в кулаке измятый листок, на котором снежинки теперь перекосились, а буквы расплылись от того, что она не заметила, как по бумаге прока-

тилась одна слеза, потом другая. ёжик-антистресс выпал у неё из рук и шлёпнулся на ковёр мягким бесформенным комком, и она не стала его поднимать.

* * *

Милана добралась до своей кровати и забралась под одеяло, не разуваясь, не снимая гольфов, хотя за окном только-только перевалило за полдень и в комнате было ещё по-дневному светло. Одеяло пахло стиральным порошком, каким-то безликим цветочным запахом без цветов, и она уткнулась лицом в подушку так, чтобы не было слышно, если она заплачет громко. Плечи у неё затряслись сами, без разрешения, и слёзы потекли куда-то в наволочку, оставляя мокрое пятно, которое она потом размазывала ладонью, будто могла стереть его прежде, чем кто-то заметит.

Она не хотела, чтобы её жалели. Жалость была бы ещё хуже, чем то, что сказал Глеб, потому что жалость означала бы, что он прав.

В голове у неё, пока она лежала так, свернувшись, вдруг всплыл прошлогодний вечер, тот самый, когда она не спала и слышала в коридоре мерный скрип, тихий, с паузами, будто кто-то переступал с ноги на ногу, боясь разбудить дом. Тогда ей было шесть, и она была абсолютно уверена: это он, Дед Мороз, ходит по квартире, проверяет, спят ли дети, прежде чем сделать своё дело. Она лежала тогда с закрытыми глазами, зажмурившись крепко-крепко, чтобы не спугнуть, и улыбалась в темноту.

Теперь этот же скрип всплыл в памяти с другим звуком — будто кто-то взял и подрисовал поверх старой картинки новую подпись. Вентиляция. Обычная вентиляция в стояке, папа ещё летом вызывал мастера, потому что она скрипела по ночам, и мастер сказал что-то про износившийся подшипник в вытяжке, который надо менять, но руки так и не дошли. Вот и всё. Не шаги. Подшипник.

Милана села на кровати, вытерла лицо рукавом кофты и потянулась к тумбочке, где всё ещё лежал измятый листок с недописанным письмом. Снежинки на нём были нарисованы кривовато, с одной стороны крупнее, с другой мельче, а некоторые буквы расплылись от слёз в бледно-синие пятна. Она разгладила бумагу на коленке, попыталась разобрать собственный почерк, то, что написала ещё вчера вечером, с такой готовностью, с таким удовольствием выводя каждую букву: «Дорогой Дедушка Мороз, в этом году я хочу…» — и дальше список, который теперь казался глупым, детским, никому не нужным.

Она аккуратно порвала листок пополам, потом ещё раз пополам, и сложила четвертинки в маленький ком, который уместился в кулаке. Открыла нижний ящик письменного стола, тот, где лежали старые альбомы и фломастеры без колпачков, и затолкала письмо туда, под самый низ, придавив сверху красками для рисования. Будто прятала не бумагу, а саму мечту, которую стыдно было теперь кому-то показывать — вдруг кто-то найдёт и скажет: смотри, она всё ещё в это верила.

За окном тем временем свет начал меняться. Декабрь в Петербурге не церемонился: ещё недавно было светло, а потом, будто кто-то плавно убавил яркость на огромном экране, за стеклом посерело, потом посинело, и голографическая гирлянда на соседнем доме стала заметнее на фоне темнеющего неба, её цифры обратного отсчёта засветились резче. Милана всегда любила этот момент дня, когда сумерки заползали в комнату мягко, лениво, и она сворачивалась в кресле с игрушкой, глядя, как ночник в углу начинает разгораться теплее.

Сегодня этот же сумрак показался ей другим. Углы комнаты, где раньше просто стояла темнота, теперь будто бы что-то прятали, шевелились чуть заметнее, чем должны были. Тень от шкафа дотянулась почти до кровати, длинная, неровная, и Милана подтянула колени к груди, обхватила их руками, не сводя взгляда с этой тени, будто боялась, что стоит отвернуться — и та шагнёт ещё ближе.

Раньше в темноте ей мерещились сани и колокольчики. Теперь в ней не было ничего, только пустота, в которой, оказывается, может прятаться что угодно, раз уж там не прячется то хорошее, во что она верила.

— Валера, — позвала она тихо голосового помощника, зашитого в систему умного дома, стараясь, чтобы голос не дрожал слишком заметно. — Включи ночник. Пожалуйста. И не выключай. Совсем не выключай, ладно? Даже когда я засну.

— Хорошо, Милана, — отозвался ровный, приятный голос откуда-то из потолка. — Ночник включён в режиме «постоянного свечения». Хочешь, добавлю сказку перед сном?

— Нет, — сказала она быстро. — Просто свет. Пусть горит до ужина.

В углу комнаты мягко засветился ночник, рассыпая по стенам бледно-жёлтые блики, подстраиваясь, как всегда, под ровный ритм её сердца, который наверняка сейчас был совсем не ровным. Милана смотрела на этот свет так, будто он был последним, что у неё осталось, и натянула одеяло до самого подбородка, прислушиваясь к тишине квартиры, в которой впервые за долгое время ей было по-настоящему страшно оставаться одной.

* * *

Ужинать позвали голосом мамы из кухни — обычным, деловым, каким зовут к столу каждый вечер, без всякого «иди скорее, у нас сегодня особенное». Милана вытерла лицо рукавом, подышала пару раз, как учили в садике, когда плачешь и не хочешь, чтобы видели, и вышла в коридор. Мама мельком глянула на неё, спросила, почему свет горит днём в комнате — тут же забыла спросить, не дождавшись ответа, отвернулась к плите, где робот-помощник раскладывал по тарелкам что-то аккуратными симметричными кучками.

За столом первым заговорил папа — не с кем-то, а как будто сам с собой, продолжая разговор, начатый ещё утром.

— Опять эта умная система всё перепутала, — сказал он, тыкая вилкой в воздух в сторону настенной панели, будто там сидел живой виновник. — Отчёт по доставкам по Северо-Западу — три региона слиплись в один, будто их и не разделяли никогда. Я ему говорю: Валера, проверь ещё раз, — а он мне: «Данные корректны». Корректны! Да я эти цифры из-под земли достану и перепроверю руками, если надо.

— Значит, тебя пока рано списывать, — хмыкнула мама, не отрываясь от тарелки.

— Вот именно, — оживился папа, будто она сказала что-то важное, а не просто поддержала разговор. — Без человека это всё развалится. Машина не чувствует, где ошибка, а я чувствую. Нутром.

Милана слушала и смотрела то на одного, то на другого, ожидая, когда кто-нибудь спросит, почему у неё красные глаза. Никто не спрашивал. Она подвинула вилкой кусочек на тарелке, не особо голодная.

Мама вдруг усмехнулась своим мыслям и отложила планшет, на котором весь вечер листала карточки пациентов.

— А я вот тоже помню, как мне один раз цифры не сошлись, — сказала она, и в голосе у неё появилось что-то похожее на тепло, редкое за этим столом. — В шесть лет попросила у Деда Мороза куклу. С длинными волосами, чтобы заплетать можно было. Написала письмо, с рисунком даже, старалась очень. А под ёлку мне положили набор стоматолога. Игрушечные щипчики, зеркальце, зубы пластмассовые для тренировки.

Она рассмеялась, коротко, без обиды, будто рассказывала анекдот про кого-то другого.

— Я потом адрес на конверте забыла указать, представляете. Вот так родители выкрутились — купили первое попавшееся. А я теперь зубы людям выравниваю. Такая вот судьба, одно к одному.

Милана слушала это, не шевелясь, с застывшей вилкой в руке. Ей казалось странно важным, что мама, взрослая, умная мама, тоже когда-то писала письмо и тоже не получила того, о чём просила.

— А тебе... — тихо начала она, не сразу находя слова, — тебе было грустно тогда? Когда куклы не было?

Мама пожала плечами, легко, как будто вопрос был пустячным.

— Да какая грусть, Милан. Это просто подготовило меня к профессии, вот и всё волшебство. — Она снова взяла планшет. — Иногда жизнь сама всё решает за тебя, лучше, чем ты думаешь.

Милана опустила глаза в тарелку. Ей хотелось спросить ещё что-то, но слова не находились, а взрослая лёгкость в мамином голосе отрезала путь к любому другому вопросу.

Тут вклинился Глеб, до этого молча ковырявший еду и поглядывавший в свой планшет.

— Кстати, смотрите, — сказал он, разворачивая экран к родителям. — Контрольная по математике. Я закинул условия своему репетитору, он решил весь вариант за десять секунд. Чистое время, я засекал.

Папа отложил вилку и придвинулся ближе, искренне заинтересованный.

— Ну-ка, ну-ка, покажи.

— Десять секунд, Глеб, это впечатляет, — сказала мама, забирая у него планшет и пролистывая строчки с решением. — Молодец, что разобрался, как настроить.

Глеб довольно улыбнулся, блеснув скобками на зубах, и начал объяснять, как подключил нейросеть к школьному порталу, чтобы та видела задания сразу, без перепечатывания. Родители кивали, задавали вопросы, папа даже достал свой бумажный ежедневник и что-то быстро черкнул, будто хотел попробовать тот же трюк для своих отчётов.

Милана сидела рядом, никому не нужная в эту минуту, и смотрела, как её почти не доеденная тарелка остывает. Она тихо отодвинула стул, никто не обернулся. Встала, подхватила со стола салфетку, скомкала её так же, как сегодня днём комкала письмо, и пошла в коридор, оставив за спиной голоса, смех и разговор о десяти секундах чужого ума, который решил чужую задачу лучше любого человека.

* * *

В коридоре было тихо. Голоса за столом остались позади, стихли, когда Милана толкнула дверь гостинной и забралась на диван прямо в тапочках.

— Валера, — позвала она тихо, — свети всю ночь. Не выключай хвою. Совсем не выключай, ладно?

— Принято, — отозвался ровный голос из динамика над дверью. — Проекция «Хвоя» переведена в режим «всю ночь».

Милана укуталась в плед до подбородка и уставилась на стену, где мягко светилась зелёная проекция еловых веток. Свет был ровный, тёплый, почти как настоящий огонёк, только без запаха и без тепла. Она досчитала до двадцати, как учила воспитательница в садике, когда надо было успокоиться, и уже начала успокаиваться — но тут проекция мигнула и погасла.

Комната на секунду стала чёрной, и сердце у Миланы ухнуло куда-то вниз.

— Валера! Ты обещал!

Хвоя тут же вспыхнула снова, будто ничего и не было.

— Извините за сбой, — сказал голос, но как-то не сразу, с маленькой запинкой, которой Милана раньше за ним не замечала. — Проекция восстановлена.

Она выдохнула и прижала к груди силиконового ежа, которого всегда мяла в руках перед сном. Свет держался минуту, может, две. Потом снова мигнул — раз, другой — и опять ожил, будто кто-то щёлкал выключателем в соседней комнате, только выключателя в квартире давно не было, одни сенсоры и голос.

— Хватит, — прошептала Милана, ни к кому не обращаясь, и натянула одеяло повыше.

Хвоя на стене вдруг дрогнула. Не мигнула, а именно дрогнула — ветки качнулись, как от ветра, хотя окно было закрыто плотным стеклопакетом, а балконная дверь заблокирована на зиму ещё в ноябре. Милана замерла, глядя, как голографические иголки трепещут, будто

по ним прошёл настоящий сквозняк. Через секунду всё застыло снова, ровно и неподвижно, как и должно быть у картинки.

Она моргнула. Может, показалось. Может, так бывает, когда проекция «думает», как говорил папа про компьютеры, которые иногда зависают и потом сами исправляются.

Но тут ожил ночник на тумбочке — маленький белый шар, который обычно светил ровным мягким светом, подстраиваясь под дыхание того, кто спал рядом. Сейчас он замигал — быстро, рывками, то длинными вспышками, то короткими, будто и впрямь пытался что-то сказать, только на незнакомом языке. Милана смотрела на него, не моргая, пытаясь понять, что это значит, а потом ночник вспыхнул в последний раз и погас.

Темнота накрыла комнату сразу и полностью. Такой темноты Милана не помнила уже давно: ни полоски света из коридора, ни отблеска уличного фонаря сквозь плотные шторы, ни тёплого жёлтого пятна ночника. Только чёрный квадрат окна и чёрные углы комнаты, в которых могло скрываться что угодно.

— Валера! — Она почти выкрикнула это, вцепившись в одеяло. — Валера, включи свет! Сейчас же!

Тишина тянулась дольше, чем нужно. Потом Валера всё же откликнулся, с той же странной заминкой:

— Проверяю систему. Постороннего вмешательства не зафиксировано. Повторяю команду включения.

Ничего не произошло. Ни ночник, ни хвоя на стене не зажглись.

— Почему темно? — спросила Милана уже тише, дрожащим шёпотом. — Ты же сказал, никто не трогал.

— Не фиксирую постороннего вмешательства, — повторил голос, и в этом повторении было что-то совсем не успокаивающее, будто машина сама не понимала, что происходит, и просто говорила заготовленную фразу.

Милана сидела, вжавшись спиной в спинку дивана, и слушала, как колотится сердце где-то в ушах. В темноте комната казалась совсем другой — чужой, большой, полной углов, которых днём она не замечала. Шкаф у стены превратился в тёмную глыбу, кресло в углу — в сгорбленную фигуру. Она зажмурилась и тут же открыла глаза снова, потому что с закрытыми было ещё страшнее.

И тогда она услышала шорох.

Негромкий, совсем короткий, но отчётливый — будто кто-то прошёл у самого шкафа, едва задев полу халата о его дверцу. Милана замерла, не дыша. Звук не повторился. Ни скрипа половицы, ни щелчка двери, ни знакомого гудения вентиляции, которое папа называл «просто система кондиционирования». Просто шорох, лёгкий, почти ласковый, как будто что-то маленькое и живое на мгновение оказалось совсем рядом и тут же исчезло.

Она натянула плед до самого носа, так что видны остались только глаза, и уставилась в ту сторону, откуда донёсся звук. Страшно было — по-настоящему, до мурашек по спине. Но было и ещё что-то, тонкое, щекочущее, спрятанное где-то под страхом: любопытство, которое заставляло её не зажмуриваться, а смотреть и смотреть в темноту, будто там вот-вот должно было что-то показаться.

— Эй, — прошептала она одними губами, едва слышно, сама не зная, кому это говорит. — Кто там?

Ответа не было. Только тишина, густая и плотная, в которой, казалось, что-то притаилось совсем рядом и ждало.

Глава 2

Будильник на браслете должен был зажужжать в семь пятнадцать, но Милана открыла глаза раньше — когда за окном только-только начало сереть, а комната ещё стояла вся в синих тенях. Она лежала и смотрела в потолок, слушая, как тихо гудит умный дом, как где-то за стеной щёлкает климат контроль, прогревая воздух к утру. Шороха не было. Уже час, наверное, как не было — но он всё равно сидел внутри, под рёбрами, будто она проглотила маленький холодный камешек, и он так и остался там, не растворяясь.

Уже которую ночь на этой неделе было одно и то же: свет гас сам, Валера бормотал что-то про отсутствие постороннего вмешательства, а потом — шорох. Лёгкий, короткий, будто кто-то маленький пробегал у самого шкафа. Милана никому не рассказывала. Про Деда Мороза уже сказали, что он выдумка — расскажи она ещё и про шорох, Глеб только фыркнет и назовёт её маленькой выдумщицей, которая боится темноты.

Она встала, пока будильник ещё молчал, и пошла на кухню, стараясь ступать неслышно, хотя пол и так не скрипел — слишком новый, слишком правильный.

За столом уже сидел папа, взъерошенный, в смешной пижаме, и спорил с голосовым помощником, повысив голос ровно настолько, чтобы было слышно по всей квартире.

— Валера, я не понимаю, откуда взялась эта цифра, — говорил он, тыча пальцем в голографический экран над столом, где висели столбики с отчётами. — Вчера груз из распределительного центра в Устюге шёл по одному маршруту, сегодня — по другому, а километраж совпал тютелька в тютельку. Так не бывает.

— Маршрут был оптимизирован системой логистики «Морозбери» с учётом погодных условий, — ровно отозвался Валера откуда-то из динамика на холодильнике.

— Погодных условий, — хмыкнул папа и полез в карман за бумажным ежедневником, где у него были свои записи, аккуратные, мелкие, будто он не доверял ни одной цифре, которую не записал сам. — Вот смотри, я же тебе говорил на той неделе: алгоритм у вас по зиме маршруты удлиняет, чтобы фуры больше ездили. Это не оптимизация, это накрутка пробега.

Милана села за стол напротив брата. Глеб уже был там, с одним наушником в ухе, листая на планшете задания — вторую неделю у него шла какие-то тесты по математике, и ИИ-помощник по имени Марк подкидывал ему всё новые примеры взамен тех, где он ошибался. Глеб даже не поднял головы, когда она села, только молча подвинул ей тарелку с овсянкой, которую робот-кухарка уже разложил по местам.

Она взяла ложку, но есть не хотелось. Руки слегка подрагивали — не сильно, но достаточно, чтобы заметить, если приглядеться. Милана быстро спрятала пальцы в рукав пижамы, подтянула манжету пониже и уже этой рукой стала держать ложку неловко, снизу, лишь бы никто не увидел дрожи.

— Валера, покажи мне первичный лог по этой партии, — продолжал папа, уже не так сердито, скорее увлечённо, как будто нашёл интересную задачку. — Там же должна быть временная метка.

— Запрос обрабатывается, — ответил Валера.

— Вот именно поэтому я вам и нужен, а не только ваши нейросети, — пробормотал папа, делая пометку в ежедневнике. — Нейросеть не удивится, что цифры не бьются. А я удивляюсь.

Мама вошла на кухню уже одетая, в пальто, с рабочей сумкой через плечо — ей сегодня было в клинику с утра пораньше, успеть до школьного автобуса. Она на ходу пшикнула себе в рот освежителем из маленького флакона, который всегда носила с собой, поморщилась от мятного привкуса и глянула на часы проектор на стене.

— Милана, доедай и беги одеваться, «Ласточка» будет у подъезда через пять минут, — сказала она, не глядя на дочь, а глядя на экран своего планшета, где, судя по всему, шёл список пациентов на день. — Глеб, ты тоже. Твой автобус позже, но проводи сестру до лифта, хорошо?

— Угу, — не отрываясь от планшета, отозвался Глеб.

Милана оставила почти нетронутую овсянку и соскочила со стула. В комнате она быстро натянула форменное платье поверх колготок, застегнула куртку и, уже у двери, остановилась перед рюкзаком. Там, в боковом кармашке, лежал силиконовый ёжик — старая игрушка-антистресс, мягкая, с чуть облезшими резиновыми иголками. Она вытащила его, подержала секунду в ладони, не зная толком, зачем это делает, и сунула обратно, но теперь глубже, в самый дальний угол кармана, где его точно никто не заметит.

От чего он должен был защищать — она и сама не знала. Может, просто от того, чтобы в рюкзаке было хоть что-то знакомое и мягкое, на случай если день снова окажется таким, как вчера.

— Милана Егоровна, время, — мягко, но настойчиво произнёс дверной замок голосом мамы, когда она подошла к выходу из квартиры: биометрия считала лицо и выпустила её в подъезд. — Автобус подъезжает.

Коридор у лифта в это утро был тёмным — лампы горели тускло, и в углах, где должен был падать свет, залегли мягкие серые тени. Милана старалась не смотреть туда, где потемнее, и шла, глядя только на кнопку вызова лифта, пока Глеб плёлся позади с планшетом в руках, не замечая ни того, как сестра почти бежит, ни того, что завтрак остался почти целым на тарелке.

* * *

В классе «Квадрат» рядов парт не было — только разноцветные пуфы вдоль стены, низкие мобильные столики на колёсиках, которые можно было катать куда угодно, и большой мягкий ковёр посередине, расчерченный синими квадратами и кружками для утреннего круга. Милана любила этот ковёр за то, что на нём можно было сидеть, поджав ноги, и никто не ругал за сутулую спину.

— Так, дружочки, рассаживаемся, — сказала Ольга Петровна, постукивая стилусом по интерактивной доске, где уже разгоралась надпись «Мастерская Нового года». — Пятнадцать минут, и чтобы к звонку у каждого была снежинка или шарик, договорились? Пока делаем поделки, рассказываем стихи про Новый год.

Милана села на свой пуф, зелёный, с вытертым боком, и подтянула колени к груди. Руки у неё были заняты — в кармане куртки, что висела на крючке у двери, остался силиконовый ёж, а здесь, в классе, под рукой нашлась только мятая бумажная заготовка для гирлянды, и Милана принялась сгибать её по линиям, хотя пальцы слушались плохо.

— Кто хочет первым прочитать свою строчку? — спросила Ольга Петровна, обводя взглядом круг.

Дети по очереди тянули руки и читали вслух короткие стишки про праздник, которые сами же и сочиняли на прошлом занятии: про снег, про ёлку, про то, как хорошо, когда на улице метель, а дома тепло. Милана слушала вполуха, продолжая сгибать бумагу, и почти успокоилась — голоса одноклассников звучали ровно, знакомо, без подвоха.

А потом очередь дошла до Матвея.

Матвей сидел напротив, на синем пуфе, и, прежде чем читать стишок, вдруг поднял руку выше положенного, как будто хотел сказать что-то важнее стишка.

— А я вот знаю, что Дед Мороз не настоящий, — громко сказал он, довольный собой, будто выдал страшную тайну. — Мне брат сказал. Это просто чтобы подарки продавать. Родители сами покупают, а пишут от Деда Мороза, чтобы было интересней.

Несколько детей засмеялись, кто-то сказал «да ладно», кто-то серьёзно кивнул, соглашаясь. Ольга Петровна начала было:

— Матвей, у нас сейчас творческий блок, давай про снежинку…

Но Милана уже не слышала продолжения. Слова Матвея легли поверх вчерашних слов Глеба настолько точно, будто кто-то специально вырезал одну фразу и наклеил на другую. Пальцы у неё замерли на недогнутой бумажной полоске. Она вцепилась свободной рукой в край пуфа, в тот мягкий поролоновый валик, что обычно приятно пружинил под ладонью, а сейчас просто был чем-то, за что можно держаться.

Она не плакала. Она вообще ничего не делала — сидела и смотрела перед собой, на доску, где всё ещё горела надпись про мастерскую, и думала о том, что, значит, это правда. Если двое разных мальчишек, которые даже не знакомы друг с другом, говорят одно и то же, значит, это не выдумка кого-то одного. Значит, так и есть.

— Милана, а твоя строчка? — спросила Ольга Петровна, уже не глядя на неё толком, листая что-то в планшете.

Милана не ответила. Горло сжалось, и слова куда-то делись.

— Ладно, в следующий раз, — мягко сказала Ольга Петровна и, не поднимая головы, коснулась экрана стилусом.

На планшете в графе напротив имени «Григорьева М.» высветилась короткая строка: «активность: низкая». Ольга Петровна этого даже не заметила — просто листнула дальше, к следующему ребёнку, к следующему квадратику в своей системе, где у каждого была своя полоска прогресса, свои цифры, свои умения, растущие или проседающие день ото дня. Для неё это была просто ещё одна отметка в длинном списке, одна из пятнадцати похожих на этой неделе.

Милана сидела, обхватив колени, и смотрела уже не на доску, а куда-то в сторону, в угол класса, где у стены стоял искусственный фикус — высокий, глянцевый, с листьями, которые никогда не желтели и не опадали. Его поставили туда для уюта, вместо настоящего растения, которое пришлось бы поливать. И вот сейчас, пока окна были закрыты наглухо от декабрьского холода, а кондиционер ещё даже не загудел в своём утреннем режиме, листья фикуса вдруг чуть качнулись, будто сквозняк прошёл поверху, у самой вентиляционной решётки.

Милана моргнула и посмотрела туда внимательнее. Листья уже не двигались, стояли ровно, глянцево, как всегда. Наверное, показалось. Она отвернулась, прижала к себе недогнутую снежинку и постаралась не думать ни про фикус, ни про Матвея, ни про то, что где-то в темноте её комнаты каждую ночь что-то шуршит, будто ждёт, пока она перестанет верить окончательно.

* * *

На перемене коридор пятых классов встречал её шумом совсем другого роста. Старшие стояли группками у шкафчиков с голопроекторами, кто-то гонял по экрану стены виртуальный мяч, и всё это катилось мимо Миланы, как будто она была ростом с подоконник. Она протиснулась между двумя мальчишками с рюкзаками-роботами на колёсиках и пошла вдоль стеклянной стены, за которой занимался пятый «А».

Стекло здесь было не простое, а с лёгкой дымкой, которая расходилась, если прижать ладонь, и она так и сделала, не особо задумываясь, просто чтобы увидеть лучше. Внутри класса парты расставлены кругами, по трое-четверо, и над каждым столом висел тонкий голографический экран. Глеб сидел третьим от окна, в наушнике, и перед ним в воздухе покачивался зеленоватый интерфейс, цифры и кривые линии, которые постоянно перестраивались, будто кто-то невидимый рисовал график прямо на лету.

Милана знала, что это за штука. Папа как-то объяснял, недовольно, между делом: цифровой помощник смотрит, что Глеб не понял на прошлой неделе, и подкидывает ему задачки именно на эти дыры, чтобы залатать. Глеб называл его просто Марком, хотя никакого Марка на самом деле не было, только голос и зелёные цифры.

Она постучала по стеклу костяшкой пальца, не сильно, два раза.

Глеб поднял глаза не сразу, через пару секунд, будто сигнал дошёл до него с запозданием. Увидел сестру, моргнул и сделал рукой короткий жест, ладонью вперёд, останавливающий: занят. Наушник он не вынул. Голова тут же снова опустилась к экрану, где цифры успели перестроиться ещё раз.

Милана постояла, ожидая, не обернётся ли он ещё, но он не обернулся.

Сзади что-то тихо зажужжало, и она отступила в сторону, пропуская низкую округлую тумбу на колёсиках, которая деловито скользила вдоль плинтуса, обмахивая его мягкой щёткой. Уборочный робот объехал её ноги по аккуратной дуге, как объезжал урну у стены и перила у лестницы, вообще ничем не выделяя Милану среди прочих предметов коридора. Он даже не притормозил, просто вильнул и покатился дальше, оставляя за собой едва заметную влажную полосу на плитке.

Она посмотрела ему вслед и подумала, что вот так, наверное, выглядит быть никем особенным. Не человеком, не вещью, а чем-то посередине, что тебе нужно объехать, чтобы не мешало.

Хотелось рассказать Глебу. Не про Матвея даже, а про то, что было дома, все эти последние ночи: тихий шорох в углу комнаты, будто кто-то маленький переступает с ноги на ногу в темноте и не решается подойти ближе. Она никому про это не говорила, даже маме, потому что боялась, что это снова окажется просто так, воображение, сбой датчика, что угодно, лишь бы не то, что хотелось бы, чтобы это было.

Глеб бы сказал, что это вентиляция. Или что это сосед сверху двигает мебель. Он всегда находил такое объяснение, спокойное, ровное, без всякой магии, и хуже всего было то, что чаще всего он оказывался прав. Он был прав про Деда Мороза. Он наверняка будет прав и про шорох, скажет что-нибудь вроде «это у тебя кондиционер иначе засвистел, после перепрошивки системы такое бывает», и улыбнётся так, будто сделал ей одолжение, вытащив последнюю ниточку, за которую можно было держаться.

Она смотрела на его затылок через дымчатое стекло, на тёмные волосы, аккуратно подстриженные, на то, как он время от времени почти неслышно шевелит губами, повторяя что-то за голосом в наушнике. Он был так близко, через стекло, и так далеко одновременно, занятый своими зелёными цифрами, своими пробелами, которые нужно было залатать, прежде чем они превратятся в дыры побольше.

Рассказывать не стоило. Она решила это твёрдо, почти по-взрослому, хотя внутри так и осталось царапающее чувство, что хотелось хоть кому-то сказать и хоть кто-то услышал бы её испуг не как повод для объяснения, а просто так, потому что страшно.

Она ещё секунду подержала ладонь на стекле, там, где осталось тёплое пятно от её дыхания, а потом отвернулась и пошла обратно по коридору, мимо жужжащего робота, мимо шкафчиков с голопроекторами, туда, где должен был начаться следующий урок. Позади, за дымчатым стеклом, Глеб наконец поднял голову, но её силуэт уже мелькал за поворотом, и он, кажется, пожал плечами и вернулся к своим цифрам.

* * *

После перемены пуфы в классе разъехались в стороны, и Ольга Петровна объявила, что сегодня они строят Снежную деревню. На полу у окна уже лежали ящики с модульными блоками — лёгкими, тёплыми на ощупь, с магнитными защёлками по краям, чтобы дома не разваливались от случайного толчка. Нужно было собрать улицу, посчитать окна в каждом домике, придумать вывески и прочитать их вслух всему классу. Марк уже тащил к себе ящик с крышами, крича, что у него будет самая высокая башня, и Ольга Петровна спокойно отвечала, что башня — это хорошо, но сначала нужно посчитать, сколько блоков понадобится.

Милану посадили в пару с Катей, тихой девочкой с двумя косичками, которая разговаривала так редко, что про неё иногда забывали, даже когда она сидела рядом. Катя молча протянула ей горсть синих блоков и кивнула на недостроенный дом — мол, давай сюда. Милана

кивнула в ответ и начала ставить блоки один на другой, ровно, без разговоров, просто потому что руки сами знали, что делать.

Она не вникала, зачем этому домику три окна, а не четыре, и какая у него должна быть крыша. Мысли крутились где-то в стороне, у стеклянной стены пятого класса, у затылка Глеба, у слова «придумано», которое Матвей произнёс так же легко, как будто говорил про погоду. Пальцы складывали блок за блоком почти сами, и получалось криво — одна стена выпятилась вперёд, вторая завалилась внутрь, — но Катя терпеливо поправляла за ней, не говоря ни слова.

На планшете Ольги Петровны, который лежал раскрытым на учительском столе, рядом с именем «Григорьева М.» мигнул маленький значок — стрелка, обращённая вниз, и рядом цифра, становившаяся всё меньше. «Вовлечённость» было подписано мелкими буквами сбоку. Но Ольга Петровна в этот момент стояла у соседнего стола, разнимая Марка и ещё одного мальчика, которые не поделили последнюю красную крышу, и говорила им что-то про то, что крыш в ящике ещё много, просто нужно поискать, и не смотрела на экран вовсе.

Милана поставила последний блок в стену домика и потянулась за следующим, когда за высоким стеллажом с запасными модулями что-то тихо хрустнуло. Звук был сухой, короткий, будто кто-то наступил на упавший лист или смял обёртку. Она замерла с блоком в руке и обернулась так резко, что Катя даже подняла голову, удивившись.

За стеллажом не было ничего, кроме коробок с запасными крышами и свёрнутого рулона искусственного снега для декораций. Пусто, тихо, только гудел где-то под потолком кондиционер, который, как она помнила, включался только по расписанию, через час после начала занятий, не раньше.

— Что там? — спросила Катя, впервые за весь урок произнеся что-то длиннее одного слова.

— Ничего, — сказала Милана, и сама удивилась, как ровно это прозвучало. — Показалось.

Она снова повернулась к домику, взяла новый блок, но рука на секунду застыла в воздухе. В нос ударил запах, острый и совсем не похожий на то, чем обычно пахло в классе — пластиком, озонатором, слабым парфюмом Ольги Петровны. Это была хвоя, настоящая, живая, с той горчинкой, которая бывает только у настоящей ели, когда её вносят с мороза в тёплую комнату и смола на ветках начинает оттаивать. Запах держался ровно столько, сколько нужно, чтобы она успела удивиться, а потом исчез так же внезапно, как появился, будто его никогда и не было. Милана ощущала этот запах только однажды у бабушки на даче, года два или три назад. Она запомнила его на всю жизнь.

Милана медленно опустила блок на место, оглядываясь по сторонам — может, кто-то принёс в класс настоящую ветку, может, в коридоре распылили что-то новогоднее для настроения, — но вокруг были только проекционные ёлочки на подоконнике и дети, увлечённо считающие окна в своих домиках. Никто не принёс ничего живого. Никто, кроме неё, похоже, вообще ничего не заметил.

Должно было стать страшно, и где-то глубоко внутри действительно шевельнулся тот же холодок, что приходил по ночам, когда в углу комнаты начинал шуршать кто-то невидимый. Но сейчас, здесь, среди синих и жёлтых блоков, среди гула голосов и стука деталей друг о друга, страх почему-то оказался другим — не тем, что сковывает, а тем, что немного щекочет изнутри, как будто ей вот-вот должны сказать секрет.

Губы дрогнули сами собой, против воли, в кривую, едва заметную полуулыбку, и она тут же прижала её тыльной стороной ладони, будто кто-то мог увидеть и спросить, чему она радуется. Катя этого не заметила — она как раз пристраивала крышу поверх кривой стены, которую Милана строила минуту назад, и домик наконец-то стоял ровно, пусть и немного смешно, с окном, прорезанным слишком высоко.

— Готово, — сказала Катя тихо, и Милана, всё ещё с этой странной полуулыбкой на губах, кивнула, хотя мысленно была уже не здесь, не в Снежной деревне, а в том углу за стеллажом, где только что пахло настоящим лесом и где, кажется, кто-то совсем недавно стоял.

* * *

Автобус-шаттл шёл почти бесшумно, только иногда тихо попискивал на поворотах, объявляя остановки голосом, который звучал бодрее, чем всё вокруг. За окном тянулись сумерки — в декабре в Петербурге они начинались чуть ли не сразу после обеда, серые, влажные, с фонарями, которые загорались один за другим вдоль проспекта. Милана сидела у окна, прижавшись лбом к стеклу, холодному даже сквозь шапку.

Глеб всю дорогу не поднимал головы от планшета. На экране мелькали цифры, зелёные галочки, какие-то графики — его цифровой помощник показывал, какие темы он уже закрыл, а какие ещё придётся закрывать уже после Нового года. Один раз он фыркнул, увидев что-то, и тут же стёр улыбку, как будто она была лишней.

Милана хотела сказать ему про запах хвои за стеллажом, про шорох, про то, как сильно колотилось сердце, когда она обернулась и увидела пустоту. Но вспомнила вчерашнее — как спокойно и уверенно он объяснял ей, что Дед Мороз выдумка, — и решила, что сегодня не станет его ничем проверять. Он бы всё равно сказал что-то разумное и правильное, и от этого стало бы только хуже.

Дома пахло подогретым ужином и чуть-чуть лимонным ополаскивателем — мама только вошла с работы и, как всегда, первым делом полоскала рот у раковины.

— Ну как дела в школе? — спросила она, вытирая руки полотенцем, не оборачиваясь толком.

— Нормально, — сказала Милана и сняла рюкзак с плеч.

Она не стала рассказывать ни про Матвея, ни про то, как слова его прозвучали слово в слово как у брата, ни про тот холодок, что снова подкатил к горлу. Мама бы, наверное, кивнула, сказала что-то вроде «ну и хорошо» и пошла ставить чайник — у неё в последнее время был такой взгляд, будто она слушает, но думает о чём-то своём.

— Переоденься, руки помой, — добавила мама уже на ходу, и Милана послушно пошла в свою комнату.

Там она бросила рюкзак на кровать и, разбирая его — доставая тетради, пенал, скомканный лист с недоделанной снежинкой, — наткнулась пальцами на что-то колючее на самом дне, под подкладкой. Несколько тонких иголок, зелёных, свежих, слегка влажных, будто их только что сорвали с ветки.

Она нахмурилась и достала их на ладонь. В квартире не было ни одной живой ёлки — только голографическая хвоя, которая мерцала в углу гостиной и ничем не пахла, разве что слабым озоном от проектора. В классе тоже стояли пластиковые ёлочки на подоконнике, те самые, что весь день смотрели на неё пустыми ветками. Откуда взялись настоящие иголки в рюкзаке — она понятия не имела.

Милана поднесла их к носу и вдохнула. Запах ударил резко, живо, с той горчинкой мороза и смолы, которую она почувствовала за стеллажом на уроке, перед тем как ей почудилось, что кто-то стоял рядом. Не ароматизатор, не искусственный парфюм — настоящий лес, холодный и колючий, будто она на секунду вышла на улицу зимней ночью.

Сердце забилось быстрее, но страх в этот раз пришёл какой-то другой — не тот, что сковывает горло и заставляет звать маму. Скорее любопытство, щекочущее изнутри, как будто ей протянули кусочек тайны и сказали: разгадай сама.

Она хотела было выбросить иголки в мусорную корзину у стола — так полагалось бы сделать с мусором, залетевшим неизвестно откуда, — но рука будто сама не послушалась. Милана сжала их в кулаке, потом аккуратно, стараясь не уколоться, сунула под подушку, туда,

где обычно лежал силиконовый ёж. Зачем — она и сама не смогла бы объяснить, разве что ей показалось, что так правильно, что эти иголки должны остаться рядом, а не в мусоре.

Когда пришло время ложиться, она, как обычно, попросила голосового помощника:

— Валера, свет не выключай, пожалуйста. Всю ночь.

— Хорошо, Милана, — отозвался ровный голос из динамика у двери, и ночник у кровати засветился мягким жёлтым светом.

Она легла, укуталась в одеяло по самый подбородок и прислушалась к тишине квартиры — к тихому гудению вентиляции, к далёкому стуку маминых тапочек на кухне, к тому самому углу комнаты, откуда в последние ночи приходил шорох. Сегодня там было тихо, но страх, который раньше заставлял её зажмуриваться и накрываться с головой, сейчас казался меньше, тоньше, будто на дне рюкзака вместе с иголками осталась и часть этого холода.

Она повернулась на бок, подложила ладонь под щёку, туда, где под подушкой прятался колючий секрет, и прошептала в темноту, едва слышно, одними губами:

— Если ты здесь — я не против.

Ответа не было. Только ночник чуть заметно моргнул, будто кто-то невидимый подмигнул ей в ответ, и тут же снова засветился ровно, как ни в чём не бывало.

Глава 3

Будильник в тереме не звонил, не бил колоколом и не скрипел ставнями — он включался ровным синтетическим сигналом, похожим на вздох, нарастающим от тишины до комфортных сорока децибел за десять секунд. В шесть утра, двадцать четвёртого декабря, система «Несла-Дом» сочла, что хозяину пора подниматься, и по подоконникам побежала имитация рассвета: от густо-синего к блёкло-розовому, будто кто-то в облаках медленно крутил ручку яркости.

Николай Иванович открыл глаза и несколько секунд смотрел на этот рассвет с неприязнью, с какой смотрят на хорошо сделанную, но всё же подделку. Настоящий декабрьский рассвет в Устюге наступал часа на два позже и был другого цвета — серого, с прозеленью, будто небо тоже устало и не торопилось краситься. Но гостям нравилось просыпаться в розовом, статистика посещаемости показывала рост удовлетворённости на восемь процентов после установки этой функции, и спорить с цифрами Николай Иванович давно отучился.

Он сел, спустил ноги на пол с подогревом и первым делом бросил взгляд на трость, прислонённую к спинке кровати. Серебро рукояти тускло отозвалось на искусственный свет — по нему бежали узоры перегородчатой эмали, синие и белые, тонкие, как трещинки на льду. Вещь дорогая, старинная, с секретом, который сам же Николай Иванович и придумал когда-то, ещё когда называл секретами не маркетинговые уловки, а то, другое.

Одевался он методично, как одевается человек, для которого утро — не начало дня, а начало смены. Деловой кафтан, пошитый по спецзаказу, тёмно-синий, с алой подкладкой, без единой лишней складки, с воротником-стойкой, отшитым бисером так аккуратно, что издали казался простой тесьмой. С изнанки, у левого борта, была вшита бирка — тонкая, гибкая, с QR-кодом, активирующим статус «гость-партнёр первого уровня» на всех пропускных пунктах резиденции, от служебного лифта до ворот распределительного центра. В прежние годы кафтан был шубой, распашной, тяжёлой, и запахивался на груди простой деревянной застёжкой. Удобства в той шубе было немного, зато запах овчины держался неделями, и Николай Иванович иногда — очень редко, стараясь не признаваться себе в этом, — скучал по этому запаху больше, чем по многому другому.

У двери он взял трость с изогнутой рукоятью, которая как влитая ложилась в ладонь. Трость не простая с секретом, вытянулась на полголовы, выпрямилась, серебро налилось густым инеистым светом, и уже не трость, а посох стоял у двери, тяжёлый, настоящий, пахнущий — хоть и на мгновение — не парфюмерным отдушником резиденции, а морозом, каким пахнет воздух перед метелью.

Свет посоха продержался не дольше трёх ударов сердца и погас, свернулся обратно в трость с аккуратной серебряной рукоятью, будто кто-то щёлкнул выключателем.

Николай Иванович помолчал, разглядывая остывающий металл. Вчера, помнится, фокус держался чуть дольше, ровно настолько, чтобы успеть заметить в узоре что-то похожее на снежинку с шестью лучами. Позавчера — ещё дольше. Он прикинул в уме разницу, привычно, как прикидывал сокращение конверсии между кварталами, и тут же одёрнул себя: не те цифры, не тот отчёт, нечего мешать.

«Устал посох», — подумал он без особого сожаления, примерно так же, как подумал бы про батарею смартфона, которая с каждым годом держит заряд на час меньше. Мысль была удобной, объясняла всё и ничего не требовала взамен, и он с лёгкостью отпустил её, толкнул резную дверь терема и вышел на крыльцо.

У подножия лестницы его уже ждала «Несла» — электрокарета, вытянутая, обтекаемая, выкрашенная в белый с серебряной искрой, без единого скрипа полозьев, потому что никаких полозьев у неё и не было, только четыре бесшумных колеса на воздушной подушке. Раньше здесь была тройка — настоящая, с бубенцами, с паром от ноздрей в морозном воздухе, и каж-

дый шаг лошадей отдавался в снегу глухим скрипом. Теперь вместо скрипа была тишина, ровная, вежливая, как в хорошей переговорной.

Он сел, устроился на тёплом сиденье, и карета сама тронулась по расчищенной аллее к центральному корпусу резиденции, мимо голографических сугробов, которые мерцали чуть ярче, чем настоящий снег под ними, мимо дронов, развешивающих на елях гирлянды света по заранее заданной программе.

— Отчёт по продажам туров, — сказал Николай Иванович в пустоту кареты, и перед ним тут же развернулся голоэкран, тонкий, полупрозрачный, с россыпью графиков.

Он скользнул взглядом по верхней строке — общая выручка за сутки, в пределах нормы, чуть выше — и перешёл сразу к тому, что интересовало по-настоящему: конверсия VIP-пакетов. Строка горела неприятным оранжевым, на три с половиной процента ниже плановой.

Брови его сошлись, борода, аккуратно подстриженная в барбершопе ещё неделю назад, дрогнула от того, как он сжал челюсть.

— Разбивку по дням, — велел он голосом, в котором уже не осталось ни капли утренней рассеянности, только сухая деловая требовательность, с какой говорят с нерадивым подрядчиком.

Экран послушно перестроился, выдал столбцы по датам: двадцатое, двадцать первое, двадцать второе — всё ровно, в пределах коридора, двадцать третье — провал, резкий, будто кто-то вырезал кусок графика ножницами.

— Это ещё что, — пробормотал он, и пальцы сами собой потянулись к сенсорной панели экрана, листая детализацию.

Карета плавно огибала занесённую снегом сосновую аллею, за окном проплывали декоративные фонари, стилизованные под старинные, с электрической свечой внутри вместо настоящего огня, и Николай Иванович, глядя на падающий провал графика, впервые за утро позволил себе раздражение настоящее, не деловое, а глубокое, личное: день только начинался, а цифры уже требовали объяснений, которых у него пока не было.

* * *

Переговорная ждала его за двойной дверью с медными ручками, отполированными до блеска — ещё одна деталь, которую Николай Иванович в своё время одобрил лично, потому что гостям нравится трогать настоящий металл, даже если за дверью голограмма сплошная.

Виктор Соснин сидел за столом, невысокий, в аккуратном сером пуховике с логотипом «Зимнего вояжа» на груди, и листал что-то на планшете с таким видом, будто готовился к экзамену. При виде Деда Мороза он вскочил, уронил стилус, поднял, вскочил снова — этого можно было и не делать, но Николай Иванович находил в такой суетливости определённое удовольствие, почти забытое, из тех времён, когда его боялись не как поставщика эксклюзивных туров, а просто боялись.

— Николай Иванович, доброе утро, — Соснин протянул руку, и рукопожатие вышло коротким, влажным. — Присаживайтесь, я тут всё подготовил, разбивку по направлениям, по сегментам…

— Давайте сразу к сути, — Дед Мороз опустился в кресло, положил трость поперёк колен рукоятью к себе, так, чтобы эмаль на изгибе ловила свет из окна. — Шоу дронов. Как продаётся.

Соснин отвёл взгляд, потом снова посмотрел, пальцы быстро пробежались по экрану планшета.

— Хуже, чем мы закладывали. На двенадцать процентов хуже плана за декабрь. — Он развернул планшет к Деду Морозу, и тот увидел столбцы, почти такие же, как в карете, только с другим логотипом сверху. — Туристы пишут в отзывах… вот, цитирую: «слишком много экрана, мало снега». И ещё: «ожидали больше живого, а получили, как в кинотеатре, только на улице».

— Живой обход резиденции продаётся лучше, — сказал Николай Иванович, и это не был вопрос.

— На тридцать один процент лучше. Люди готовы стоять в очереди, лишь бы просто пройтись по терему, потрогать перила, постоять у печи. Даже притом что печь у вас, — Соснин замялся, подбирая слово помягче, — декоративная.

Декоративная печь топилась инфракрасным излучателем и пахла ванилью из диффузора, вмонтированного в дымоход. Николай Иванович знал это лучше кого бы то ни было, потому что сам утверждал техническое задание на диффузор, и сейчас эта мелкая подробность неприятно царапнула, как будто Соснин невзначай указал на скрытый шов на дорогом костюме.

— Значит, людям нужен не экран, — произнёс он медленно, — а ощущение. Это разные товары, Виктор Сергеевич, и второй стоит дороже.

Соснин моргнул, явно не ожидав такого поворота.

— В каком смысле?

— В прямом. Поднимаем цену на VIP-пакет живого обхода. На пятнадцать процентов. И добавляем комиссию резиденции с каждого проданного сувенирного QR-кода на подарок — отдельно от стоимости тура. Сейчас у меня с продажи этих кодов вообще ничего не идёт, весь доход ваш, это несправедливо, учитывая, что код без моего имени и логотипа стоил бы вдвое дешевле.

— Пятнадцать процентов — это серьёзно, у нас уже есть забронированные группы на старых ценах…

— Это ваша проблема, не моя, — Дед Мороз чуть повернул трость, эмаль блеснула холодно, без той теплоты, что бывала у неё по утрам. — Спрос превышает предложение, Виктор Сергеевич. Вы сами мне только что это доказали цифрами. В экономике это называется возможностью пересмотреть условия, а не поводом для грусти.

На мгновение, без всякой причины, без всякой связи с разговором, ему вспомнилось — не картинкой даже, а ощущением в ладони: тяжесть холщового мешка, то, как он сам, без всякой кассы, без всякого QR-кода, совал в детские руки свёрток, перевязанный бечёвкой, и не спрашивал ни имени, ни адреса, ни согласия на обработку персональных данных. Воспоминание пришло само, незваное, мягкое, как сугроб, в который проваливаешься по колено, и так же быстро стало неудобным — он отряхнулся от него мысленно, как отряхиваются от снега на пороге, и вернулся к разговору.

— Хорошо, — Соснин вздохнул, и в этом вздохе было столько облегчения, сколько бывает у человека, который готовился к худшему, а получил всего лишь неприятное. — Пятнадцать процентов к пакету, комиссия с кодов — в вашу пользу, но тогда я прошу гарантированный минимум групп в межсезонье. Чтобы у нас был коридор для планирования.

— Это обсуждаемо, — кивнул Николай Иванович, и действительно обсудил бы, если бы Соснин не кивнул так быстро следом, явно уже прикидывая, как отбить разницу на объёме. — Присылайте цифры сегодня до вечера, подпишем допсоглашение.

Они пожали руки — уже крепче, без влажности, по-деловому, — и Соснин, собирая планшет, бормотал что-то про то, что с Николаем Ивановичем всегда приятно работать, потому что он конкретен, не тянет, сразу к делу. Дед Мороз слушал это вполуха, с тем особым удовлетворением, которое приходит не от похвалы, а от закрытой сделки, от цифры, выросшей на пятнадцать процентов где-то в невидимой строке будущего отчёта.

Когда дверь за Сосниным закрылась и в переговорной стало тихо, настолько тихо, что было слышно, как за окном дрон перестраивает гирлянду на соседней ели, щёлкая соединениями проводов, Николай Иванович ещё посидел немного в кресле, глядя на трость у себя на коленях.

Сделка была хорошая. Пятнадцать процентов, комиссия, минимум по группам — всё, как надо, всё правильно. И всё же где-то внутри, в том месте, где утром ещё теплился посох,

сейчас стояла странная пустота, короткая, как пауза между вдохом и выдохом, будто он выиграл партию и вдруг забыл, зачем вообще садился играть.

Он тряхнул головой, отогнал и это тоже, поднялся из кресла и пошёл дальше по коридору, туда, где его уже дожидалась Баба Жара со своим неизменным списком претензий.

* * *

Домик Бабы Жары встретил его запахом печёной тыквы и льняного масла — тяжёлым, немного прогорклым, совсем не похожим на тот сдобный дух, что когда-то проступал сквозь щели ставен ещё на подходе к крыльцу. Николай Иванович потянул носом и поморщился, но виду не подал — трость стукнула по наполовину разморозившемуся половику, и из глубины горницы донёсся голос, перекрывавший шипение блендера:

— А, Иванович, заходи, заходи, дорогой!

Баба Жара стояла у разделочного стола в оранжевой худи, из-под которой выбивался подол красной юбки с петухами по подолу, и с размаху всаживала погружной блендер в кастрюлю с чем-то зелёным. Кудри её, тронутые сединой, подпрыгивали в такт движению, а повязка-бандо сбилась набок, как у человека, который давно махнул рукой на опрятность в пользу результата.

— Вот гляди, — она выключила блендер и сунула ему под нос поварёшку с постными котлетками, разложенными по подносу ровными рядами, как патроны в обойме. — Четвёртый поднос за утро назад несут. Не доели. Даже надкусить толком не надкусили, одна тётенька из Казани говорит мне: «Милая, у меня эти котлетки, как ботва, честное слово, может, у вас повар обиделся на кого?»

— Статистика есть? — спросил он сухо, усаживаясь на лавку, которая раньше, помнилось ему, была деревянной, а теперь прикидывалась ею, подогреваясь изнутри до комфортных тридцати шести градусов.

— А то! — Баба Жара с готовностью развернула к нему планшет, прилепленный магнитом к холодильнику. — Вот блог мой, здоровое питание, подписчиков двенадцать тысяч, думала, расти будут. А гляди, под последним постом про смузи из шпината — три лайка и один комментарий. «Баба Жара, а где пироги, которые вы раньше пекли? Помню с детства их запах». И всё, тишина. Люди молчат, Иванович, а молчание — оно хуже ругани, оно значит, что людям просто скучно стало читать меня.

Он посмотрел на экран — цифры были такие же унылые, как и котлетки на подносе: прирост за месяц ноль целых три десятых процента, охваты падают, вовлечённость в минусе. Такую динамику он видел и в отчётах Соснина, только там хотя бы причина была ясна, а тут — одна печёная тыква непонятно для кого.

— Держать курс, — произнёс он тем тоном, которым подписывал допсоглашения, не терпящим пересмотра. — ЗОЖ-меню — часть бренда «Морозбери». Мы продаём не просто угощение, мы продаём образ жизни, заботу о здоровье детей, сбалансированное питание, снижение сахара. Это согласовано с маркетингом ещё в сентябре, отступать сейчас — значит признать, что мы ошиблись в позиционировании, а я таких признаний не делаю.

— Да понимаю я, понимаю, — Баба Жара вздохнула и присела напротив, вытирая руки о фартук, расшитый, как ни странно, всё ещё вручную, хоть и давно выцветший. — Только вот сколько я живу, Николай, столько помню: придёт гость с мороза, румяный, замёрзший весь, а ему — тарелку с зелёным. Он на неё глядит, как на диагноз. А раньше бывало…

Она на мгновение замолчала, глаза её, обычно смешливые, подёрнулись чем-то похожим на тёплый дым, и голос стал мягче, тише, будто она не ему рассказывала, а сама себе вспоминала.

— Раньше я кулебяку пекла, Мороз, с капустой да яйцом, да такую, что с одного куска сыт на весь день. А блины — стопками, пока рука не отваливалась, со сметаной, с мёдом, с

икрой, кому что по карману было, а у меня для всех одинаково щедро выходило. Дети бегали, обжигались, мамки ругались, что испачкались, а у самих глаза сияли…

Она вдруг осеклась, будто сама удивилась тому, что сказала вслух, и быстро, виновато глянула на него — так смотрит человек, пойманный за чем-то, чего делать не положено. Мороз молчал, и в этом его молчании, в том, как он чуть прищурился, глядя на неё поверх очков, было достаточно, чтобы она сама себя оборвала.

— Да ладно, что уж, — она махнула рукой и снова потянулась к блендеру, пряча лицо в деловитости. — Я ж понимаю, бренд есть бренд, раз согласовано, значит, согласовано. Буду зелень молоть дальше, чего уж там.

— Вот и правильно, — он поднялся с лавки, одёрнул пиджак, стряхивая с рукава невидимую пылинку. — Сантименты, Прасковья Фёдоровна, не монетизируются.

Он назвал её так, как называл в ведомостях, не по-домашнему, и в этом тоже был смысл, который она, кажется, поняла без объяснений — отвернулась к плите, забормотала что-то себе под нос, не то частушку, не то просто ворчание, и застучала ложкой по кастрюле громче, чем требовалось.

Он вышел из домика на морозный воздух, и трость в руке показалась ему чуть тяжелее обычного, будто впитала в себя что-то из этого разговора, из этого запаха тыквы и несказанных кулебяк, и он поспешил зашагать прочь, к электрокарете, туда, где ждали его цифры, которые хотя бы не вздыхали и не вспоминали вслух то, чего вспоминать не следовало.

* * *

Электрокарета «Несла» остановилась у домика Почты бесшумно, только снег под полозьями хрустнул дважды и затих. Николай Иванович вышел, не дожидаясь, пока откроется дверца сама, толкнул её рукой, и в лицо ударил другой холод, не улично-морозный, а выставленный, ровно минус восемнадцать, которые терем держал здесь круглый год ради сохранности оборудования и самого Снеговика.

Внутри пахло озоном и чем-то отдалённо похожим на подгоревшую изоляцию. Снеговик сидел перед голоэкраном, вернее, стоял, потому что сидеть не умел и не пытался, и водил варежкой по воздуху, листая папки одну за другой. Папки были пусты. Все до единой.

— Николай Иванович, — Снеговик обернулся, и в его угольных глазах, вернее в том, что их заменяло, мелькнуло что-то похожее на панику, насколько у снеговика вообще может быть паника. — Я вот с утра захожу, думаю, ну, обычная нагрузка, декабрь же, пик, а там… там ничего нет. Ни одного письма за сутки.

— Как ничего? — Мороз шагнул ближе, стянул перчатку, ткнул пальцем в голоэкран, будто от его прикосновения папки вдруг наполнятся. Не наполнились.

— Вот так. Пусто. Я думал, может, глюк отображения, полез в архив, в бэкапы, а там то же самое. Чисто. Как будто и не было никогда ничего.

— А резервная копия на внешнем узле? Та, что в Казани хранится?

— Проверил первым делом. — Снеговик помотал ведёрком на голове, и ведро качнулось, звякнув. — Тоже пусто, Николай Иванович. Будто стёрли подчистую, и следов не оставили.

Дед Мороз выпрямился, и первая мысль, которая прошла у него, была не о детях, которые писали эти письма, выводя буквы крупно, с нажимом, с ошибками, которые потом разбирал он сам или нейросеть, а теперь уже только нейросеть. Первая мысль была о расписании. Он быстро прикинул в уме: письма — это заявки, заявки — это данные для логистического модуля «Морозбери», данные — это маршруты фур, маршруты — это слоты доставки, слоты — это обязательства перед партнёрами по сети выдачи. Если заявок за три дня нет вовсе, значит, либо дети и их родители вдруг разом перестали писать, что физически невозможно в разгар декабря, либо где-то в системе дыра, через которую утекло то, что должно было превратиться в подтверждённые заказы.

— Сколько писем мы теряем в сутки сейчас? По нормативу?

— В пике — тысяч до ста двадцати в день, Николай Иванович, по всей стране. С заявками на подарки, с просто поздравлениями, с благодарностями прошлогодними…

— Сто двадцать тысяч. — Он произнёс это ровно, стараясь, чтобы голос не дрогнул, хотя внутри что-то уже свёртывалось холодным узлом. — За сутки, а за двое или трое это сколько, умножь.

— Триста шестьдесят, — быстро отозвался Снеговик, и было видно, что считать ему привычнее, чем признаваться в провале.

— Триста шестьдесят тысяч необработанных заявок, — повторил Николай Иванович уже не Снеговику, а себе, вслух, чтобы цифра улеглась и обросла последствиями. — Это недополученные заказы по маркетплейсу. Это недогруз фур на двадцать третье и двадцать четвёртое. Это партнёры, которые завтра утром откроют личный кабинет и увидят провал в динамике, и начнут звонить, и спрашивать, что у нас с логистикой происходит перед самым Новым годом. Ты хоть понимаешь, что это такое по срокам?

Снеговик съёжился, насколько снеговик способен съёживаться, плечи у него были условные, но он их как-то умудрился подобрать.

— Я думаю, это перегрузка сервера, Николай Иванович. Декабрь всегда пиковый месяц, нагрузка растёт по экспоненте к праздникам, может, где-то узкое место не выдержало, переполнение буфера, что-то в этом роде. Я уже написал в техподдержку облачного провайдера, жду ответа.

— Техподдержка облачного провайдера, — повторил Дед Мороз с интонацией, в которой не было ни капли облегчения. — Ты мне это говоришь так, будто у нас в запасе месяц. У нас в запасе ночь. Завтра двадцать пятое, у нас оформление заказов по второй волне, у нас эфир с партнёрами «Зимнего вояжа» по утренним квотам, у нас…

Он замолчал, потому что вдруг поймал себя на том, что перечисляет это с жаром, с которым раньше, кажется, перечислял что-то другое, не квоты и не эфиры, а санки, коньки, деревянные дудочки, и мысль эта проскочила быстро и неприятно, как заноза под ногтем, и он тут же отбросил её, потому что сейчас было не время.

— К утру, — сказал он, и голос сделался жёстче, тот самый тон, которым он разговаривал с подрядчиками, задержавшими поставку мишуры в прошлом сезоне. — Всё должно быть восстановлено к утру. Я не знаю, какими средствами, хоть звони в Казань, хоть поднимай бэкапы ручным перебором, хоть вызывай инженеров из города, но к утру почта должна работать так, будто ничего не случилось. Если к открытию заявок двадцать пятого система снова будет пуста, я расцениваю это как простой по твоей зоне ответственности, а простой — это штраф, и ты знаешь, из какого бюджета он у нас вычитается.

— Из моего годового, — тихо сказал Снеговик, и в угольных глазах мелькнуло что-то совсем не технологичное, обида, кажется, или страх, трудно было сказать точно, потому что лицо у него было вылеплено один раз и больше не менялось.

— Из твоего годового, — подтвердил Дед Мороз, не смягчаясь. — Работай.

Он повернулся к двери, не дожидаясь ответа, и шагнул наружу, в морозный воздух домика-Почты, который снаружи встретил его уже настоящим, уличным холодом, не выставленным термостатом, а живым, резким, хлёстким по щекам. Трость в руке казалась сейчас обычной тростью, просто серебряной палкой с эмалью, без той едва ощутимой тяжести, что бывала у неё по утрам, когда на мгновение иней на рукояти превращался в морозный узор, а сама трость — в нечто иное, более тяжёлое и более живое. Он раздражённо стукнул ею по деревянному крыльцу, будто ожидая хоть какого-то отклика, искры, холодка под кожей, чего угодно.

Трость отозвалась глухим металлическим стуком, и только.

* * *

Распределительный центр встретил его тем же звуком, что и всегда — ровным, многослойным гулом, в котором тонуло всё остальное: лязг конвейерных лент, пневматическое шипение упаковочных рукавов, попискивание сканеров штрихкодов. Дед Мороз прошёл между рядами, мимо зайчика-оператора, деловито сортировавшего коробки по цвету этикеток, мимо белочки, которая деревянными движениями обматывала посылку лентой с логотипом «Морозбери», и остановился у главного терминала — большой светящейся панели, вмонтированной в морозную колонну посреди зала.

Здесь, если где-то и оставался отголосок старого порядка вещей, это было именно тут: подарки всё же шли через его руки, пусть теперь и в виде транспортных накладных.

— Статус отгрузки, — сказал он, не оборачиваясь ни к кому конкретно, просто в пространство, где его слышали всегда.

Ёжик-оператор с ближайшей ленты поднял мордочку-сенсор, мигнул синим и отрапортовал механическим голоском, в котором кто-то давно и зачем-то оставил бодрую интонацию:

— Отгрузка по графику, Дед Мороз! Шестнадцать фур загружены, три на подходе к доковой зоне, задержек не зафиксировано.

— Хорошо, — ответил он, хотя ничего хорошего в этом «хорошо» не было, просто форма, в которую укладывался разговор.

Он стоял у ленты, по которой ползли коробки, одна за другой, одинаковые, перевязанные, с QR-кодом на каждой — за кодом пряталось содержимое: что именно выбрал ребёнок на платформе, что выбрали родители, оплатившие доставку. Он смотрел на это движение, механическое и безупречное, и вдруг — толчком, без предупреждения — почувствовал холод в правой руке. Тот самый холод, что приходил по утрам, у двери, когда трость покрывалась инеем.

Пальцы сжались на рукояти. Серебро под перчаткой дрогнуло, эмаль на изгибе будто вспыхнула изнутри синеватым светом, и трость стала тяжелее — не по весу, а по сути, как если бы вещь вдруг вспомнила, чем она была когда-то. Посох.

Он не раздумывал. Повёл им над лентой, медленно, на вытянутой руке, так, как делал это сотни раз — ещё тогда, когда проверял не отгрузку, а силу подарка, вложенную в него человеком. Жест был старым, почти забытым телом, но тело вспомнило раньше головы.

На миг — он готов был поклясться — что-то дрогнуло в воздухе рядом. Лёгкое, почти неощутимое присутствие, будто мимо, совсем близко, прошмыгнул кто-то маленький и торопливый, задел подолом полы его кафтана и исчез. Запах — не хвои даже, а чего-то более дикого, лесного, мха под снегом, — пробился сквозь озоновый душок разогретых серверов и тут же пропал, будто его и не было.

Дед Мороз замер.

— Эй, — сказал он вслух, не зная, к кому обращается. — Кто здесь?

Никто не ответил, разумеется. Только ёжик у соседней ленты равнодушно пискнул, сверяя штрихкод, да белочка деловито перехватила ленту другой коробки.

Он тряхнул головой. Серверные стойки гудели совсем рядом, за перегородкой, и температура там держалась другая, выше, под охлаждение техники, а не под старый терем, и наверняка именно оттуда шло это странное марево, эти помехи, которые тело иногда принимает за что-то иное. Магнитные поля, нагрев, перепад давления — мало ли что может щипнуть кожу в двух шагах от серверной стойки мощностью с небольшую электростанцию. Он давно заметил, что рядом с техникой чувства путаются, будто сама магия морщится от соседства с проводами.

— Зайчики, белочки, — сказал он громче, обращаясь уже не в пустоту, а к рядам операторов. — Сбоев по вашей линии нет?

— Никак нет, Дед Мороз! — хором, вразнобой, но бодро отрапортовали несколько механических голосов сразу, с разных концов зала. — Упаковка штатно, отгрузка штатно, фуры по расписанию, задержек не зафиксировано!

Он опустил трость.

Свечение в эмали потускнело быстрее, чем утром у крыльца, — там хоть пару секунд держалось, пока он садился в «Неслу», а здесь погасло почти сразу, будто кто-то выключил свет щелчком, не дав ему даже дотлеть как положено. Серебро снова стало просто серебром, холодным металлом в морозном зале, и он ощутил в руке ту же обыкновенную тяжесть, какая бывает у любой трости.

«Меньше, чем утром», — отметил он про себя, спокойно, без той занозы беспокойства, что должна была бы сидеть где-то глубже. Просто факт, вроде падения курса акций: ресурса меньше, значит, меньше, завтра пересчитаем, учтём в плане. Он давно приучил себя смотреть на такие вещи как на статью расхода, а не как на предвестие чего-то дурного. В конце концов, если каждое утро тревожиться из-за того, что посох держится на секунду короче, никакого Нового года не хватит на переговоры с Сосниным.

Он ещё раз обвёл взглядом зал: ленты, короба, мигающие сканеры, ровный синий свет индикаторов на панели главного терминала. Всё работало, как должно. Если в системе и была какая-то аномалия — магнитная, тепловая, неважно какая, — искать её вслепую тростью по старинке означало тратить время, которого у него и так оставалось в обрез до вечернего разбора по эфиру с «Зимним вояжем».

— В следующий раз, — сказал он себе вслух, уже на ходу, направляясь к выходу мимо рядов автоматизированных зверушек, — буду полагаться на диагностику системы, а не на фокусы.

Диагностика хотя бы выдаёт отчёт с цифрами. Диагностика не морочит голову запахом хвои там, где никакой хвои отродясь не было, кроме как в голографической проекции над входом.

Он толкнул дверь распределительного центра и вышел наружу, в морозный воздух, туда, где его уже дожидалась беззвучная «Несла», мигая приветственным сигналом фар. Так и не понял — да и не пытался понять по-настоящему, — что был в двух шагах от того, кто действительно прошёл мимо него этой ночью сквозь гул серверов, прошёл легко, как всегда проходит сквозь любые стены и любые системы охлаждения тот, кому положено шуршать там, где ему вздумается.

* * *

В кабинете терема было тихо той искусственной тишиной, которую не нарушает даже дыхание: система вентиляции держала воздух ровным, как лист бумаги, а звукоизоляция съедала всё, что могло бы напомнить про ветер за окном. На голоэкране висела вечерняя сводка, и Дед Мороз пролистывал её привычным движением пальца, не садясь, стоя у стола, как человек, который хочет закончить день побыстрее.

Строка про почту мигала жёлтым, не красным. «Снеговик: восстановление сервиса — к 06:00. Штрафные санкции по договору с логистическим партнёром не начислены, резерв по SLA — 4 часа». Он хмыкнул. Снеговик, значит, укладывается. Если к утру письма вернутся на место, можно будет закрыть вопрос одной строчкой в отчёте для совета директоров «Морозбери» и забыть про него до следующего декабря.

Он провёл пальцем дальше, вызвал панель камер резиденции — отдельная привычка, с которой он не расставался ни один вечер, сколько бы раз система ни уверяла, что без него справится. Картинка дробилась на квадраты: терем снаружи, аллея, распределительный центр, парковка для гостевых снегоходов, главная ель на площади перед теремом, которую подсвечивали снизу голубым, чтобы казалась выше, чем есть. Он скользнул взглядом по рядам — всё спокойно, снег лежит ровно, фонари горят по расписанию, — и уже хотел свернуть панель, когда у ели что-то дрогнуло.

Смазанная тень, размытая, будто камера моргнула. Он придержал картинку пальцем, отмотал на пару секунд назад. Тень была и тени не было: что-то невысокое, кургузое, мелък-

нуло у самого ствола и пропало, не оставив следа на снегу, хотя след там обязан был остаться, если это была собака, кошка или белка.

Система сама подписала кадр мелким серым текстом: «Помеха датчика. Возможная причина — переохлаждение матрицы».

Он посмотрел на подпись секунды три, не больше, и кивнул своим мыслям, будто соглашаясь с кем-то невидимым. Переохлаждение матрицы — дело известное, камеры в такой мороз шалят регулярно, инженеры обещали новую партию линз с подогревом ещё к прошлому сезону и не поставили. Он закрыл панель, не став пересматривать запись во второй раз.

Голограммы в тереме гасил по очереди, комнату за комнатой: сначала парадную залу с виртуальными сугробами под потолком, потом коридор, где всю неделю висела проекция северного сияния — заказанная, к слову, отдельно, за дополнительный пакет для вип-гостей, — потом малую гостиную, где искрились цифровые снежинки, падавшие бесконечной петлёй и никогда не долетавшие до пола. С каждым нажатием комната становилась чуть темнее, чуть тише, и к тому времени, когда он добрался до спальни, в тереме не осталось ничего, кроме дежурного света у лестниц и слабого гудения систем жизнеобеспечения за стенами.

Он опустился в кресло у камина — камин тоже был виртуальным, трёхмерная проекция поверх ионизатора воздуха, которая давала картинку пламени без тепла и без запаха дыма, зато без риска пожара и с настройкой яркости из приложения. Когда-то, он помнил это смутно, как помнят вкус давно забытого блюда, в тереме топили настоящую печь, и от дров пахло смолой, а дым щипал глаза, если ветер дул не в ту сторону. Сейчас проекция плясала перед ним ровными оранжевыми языками, безукоризненными и бесполезными.

Он взял трость, стоявшую у подлокотника, и устало положил её на колени, как делал это каждый вечер напоследок, по заведённой годами привычке, в которую уже и сам не очень верил. Эмаль на рукояти отливала тусклым серебром в свете проекции, зимние узоры застыли неподвижным орнаментом, и он сжал пальцы, ожидая того знакомого холодка в ладони, с которого обычно начиналось превращение.

Ничего не произошло.

Он подождал ещё немного, провёл большим пальцем по витой линии узора, будто это могло помочь, будто у магии бывают заедающие кнопки, которые достаточно нажать посильнее. Трость оставалась тростью: ни морозного рисунка на эмали, ни того лёгкого гудения в руке, с которым металл обычно теплел и менял форму. Просто вещь. Красивая, дорогая, сделанная по спецзаказу, но вещь.

Он отметил это с коротким, неприятным холодком где-то под рёбрами — не тем холодком, что бывает перед волшебством, а другим, более обыкновенным, похожим на то чувство, когда забываешь нужное слово посреди фразы. «День был долгий», — подумал он, откладывая трость обратно к подлокотнику. Переговоры с Сосниным, разговор с Прасковьей Фёдоровной про её смузи, этот бестолковый вечер в распределительном центре среди зайчиков и белочек. Усталость накапливается, и было бы странно, если бы она не сказывалась и на этом тоже. Завтра, когда сервис вернётся в норму и отчёт закроется, всё придёт в обычное русло.

Он закрыл глаза, позволяя креслу откинуться в спальное положение, и проекция камина за веками погасла сама собой по таймеру.

Уже на границе сна, там, где мысли перестают держать форму и расползаются вязкой кашей, он услышал скрип. Сухой, короткий, будто ступила нога на половицу, — но половицы в тереме были новые, из композитного материала под старину, их укладывали три года назад, и скрипеть им было решительно не с чего.

Он приоткрыл один глаз, прислушался. Тишина стояла прежняя, ровная, без единого шороха.

«Завтра», — решил он, проваливаясь в сон. Завтра разберётся с почтой, с камерой у ели, с половицей, которой давно полагалось молчать. Сегодня сил на это уже не осталось.

Глава 4

Ночник на тумбочке мигнул раз, другой, будто кто-то в соседней комнате щёлкал выключателем просто от скуки, и погас окончательно, оставив вместо мягкого жёлтого круга только синеватый отсвет от полоски диодов на плинтусе — той, что родители включали «на всякий случай» ещё с тех пор, как Милана была совсем маленькой.

Она лежала на спине, натянув одеяло до подбородка, и слушала квартиру. Квартира жила своей ночной жизнью: где-то в стене тихо гудел компрессор холодильника, за дверью коридора кот-робот Феликс проехал на подзарядку с лёгким шелестом колёсиков, а потом всё стихло, и наступила та особенная тишина, в которой слышно, как стучит собственное сердце. Милана давно заметила: днём тишины не бывает совсем, всегда что-то жужжит, пищит или разговаривает голосом помощника, а вот ночью тишина настоящая, густая, и в ней любой звук кажется огромным.

Она смотрела в потолок, где раньше, пока не отключили проекцию, плавали медленные голографические снежинки, а теперь была просто темнота, ровная и ничем не разбавленная. Раньше от такой темноты у Миланы внутри всё сжималось, будто кто-то медленно затягивал узел на животе, и она обычно уже давно бы шёпотом звала маму. Но сегодня было как-то иначе. Темнота оставалась темнотой, но узел не затягивался так туго.

Шорох пришёл оттуда же, откуда всегда, — снизу, от изножья кровати, будто там заводился кто-то маленький, устраиваясь поудобнее на жёстком полу. Короткий, сухой, похожий на то, как шуршит фантик от конфеты, если его медленно разворачивать одной рукой. Милана замерла, вытянувшись под одеялом в струнку, и перестала дышать, прислушиваясь изо всех сил.

Шорох повторился, чуть левее, у самой ножки кровати. Потом тихий скрип, будто что-то маленькое и не очень тяжёлое переступило с места на место.

Она уже слышала это раньше — и позавчера, и вчера, — и оба раза всё заканчивалось одинаково: она нажимала кнопку на часах, в комнату заходила мама в наушниках для сна, сдвинутых на одно ухо, включала свет и говорила, что это дом поскрипывает, потому что за окном холодно и материалы на морозе сжимаются. Милана кивала, свет выключали, и шорох, как назло, не повторялся до самого утра.

Рука сама потянулась к часам на запястье, пальцы нащупали знакомую выпуклую кнопку сбоку корпуса — ту самую, после долгого нажатия на которую экран вспыхивал надписью «Вызов: мама» и через три секунды будил весь дом.

Палец замер прямо над кнопкой.

Милана вспомнила хрусткий запах, который почувствовала за стеллажом в классе, хотя никаких живых веток там не было, только пластиковые цветы в горшках и батарея, которая грела воздух, а не пахла им. Вспомнила, как утром нашла в рюкзаке несколько тёмно-зелёных иголок, острых и настоящих, пахнущих смолой, — непонятно откуда взявшихся, ведь дома у них стояла не живая ёлка, а умный декор из проекций, который вообще ничем не пах. Она спрятала эти иголки под подушку, туда же, где лежал маленький силиконовый ёжик, и каждый вечер, прежде чем засыпать, трогала их пальцами, будто проверяя, что они никуда не делись.

Если позвать маму сейчас, всё снова закончится светом, зевком и словами про холодные материалы. А иголки останутся загадкой, и шорох останется загадкой, и так будет каждую ночь, пока однажды она не перестанет вообще что-либо замечать, просто привыкнет бояться и перестанет спрашивать себя, что там, под кроватью.

Палец соскользнул с кнопки.

Милана медленно опустила руку обратно на одеяло, и сердце застучало быстрее, но по-другому — не тем противным, липким страхом, из-за которого хочется зажмуриться и спря-

таться с головой, а чем-то острым и щекотным, будто перед прыжком в бассейн, когда уже стоишь на бортике и знаешь, что вода холодная, но всё равно хочешь прыгнуть.

«В этот раз я сама», — подумала она и удивилась, как ровно прозвучала эта мысль внутри, без единой дрожи.

Она сжала в кулаке край одеяла, будто это могло придать ей сил, а потом вторую руку, и так, держась за ткань, как за верёвку, принялась медленно сдвигаться к краю кровати. Половицы под матрасом не скрипели, в их квартире был мягкий бесшумный каркас, но Миланиному телу всё равно казалось, что каждое движение отдаётся по всей комнате грохотом.

Шорох стих, будто тот, кто его издавал, тоже прислушивался к ней.

Милана свесила одну ногу с кровати, нащупала пяткой прохладный ламинат, потом вторую, и теперь сидела на самом краю, вглядываясь в темноту под кроватью, где не было видно ровным счётом ничего, только чернильная полоса, чуть более густая, чем остальная комната. Воздух оттуда тянуло странным, едва уловимым запахом — не пылью, не носками, что обычно обнаруживаются под кроватями, а чем-то свежим и смолистым, тем самым, что она уже узнала за школьным стеллажом.

Она медленно наклонилась вперёд, упираясь ладонями в холодный пол, одеяло так и оставалось зажатым в кулаке, свисая с кровати позади неё, как хвост.

* * *

Темнота под кроватью чуть сгустилась, будто кто-то в ней шевельнулся, и Милана застыла, не донеся лицо до пола. Пахло хвоей сильнее прежнего, почти как в школе за стеллажом, только теперь к смолистому запаху примешивался ещё один, незнакомый, — так пахнет мох после дождя, подумала она, хотя никакого мха она ни разу в жизни не трогала, только видела в детской энциклопедии на планшете.

Она протянула руку и нащупала в темноте что-то твёрдое и неровное, с шершавыми чешуйками, как у еловой шишки, только эта шишка была тёплой и, кажется, живой — под пальцами что-то дёрнулось, и Милана отдёрнула руку так резко, что чуть не ударилась затылком о край кровати.

— Эй, — произнёс тихий скрипучий голосок из-под кровати, с явной обидой. — Руки свои держи при себе, не щупай меня, я не котлета на рынке.

Милана замерла, забыв даже про страх, который должен был сейчас накрыть её с головой. Голос был маленький, суховатый, будто кто-то потирал друг о друга две веточки, но в нём звучало столько живого раздражения, что бояться почему-то расхотелось.

— Ты кто? — прошептала она, наклоняясь ещё ниже, так что волосы коснулись пола.

В темноте блеснули две точки, похожие на капли смолы, застывшие на солнце, — тёмные, глянцевые, с маленькой искрой внутри. Они смотрели на неё не испуганно и не зло, а скорее с любопытством, как смотрит кот, которого застали на чужом подоконнике и которому совершенно не стыдно.

— Может, вылезешь сначала? — спросила Милана. — А то я тебя не вижу толком.

Существо помолчало, будто взвешивало, стоит ли оно того, а потом нехотя выкатилось из-под кровати прямо в полосу слабого света от ночника, который по-прежнему мигал через раз, как перегоревшая лампочка, хотя мастер уверял маму, что заменил все платы.

Оно оказалось размером чуть больше её ладони, круглое и колючее, с телом точь-в-точь как еловая шишка, только чешуйки на нём топорщились живыми завитками, а вместо рук и ног торчали тонкие прутики, гибкие, с крошечными почками на сгибах, будто вот-вот распустятся листья. На голове у существа был капюшон, сплетённый из сухих листьев и мха, из-под которого выбивались две смолистые бусины глаз и что-то вроде носа-сучка.

Милана смотрела на него, забыв моргать, и ждала, что оно сейчас испугается, юркнет обратно в темноту или вовсе растворится, как сон. Но существо не торопилось никуда юркать. Оно уселось на полу, скрестив тонкие веточки-ноги, отряхнуло с капюшона невидимую пыль

и прищурилось на Милану так невозмутимо, будто это она сидела у него под кроватью, а не наоборот.

— Чего смотришь, — сказало оно наконец, не то с усмешкой, не то с упрёком. — Первый раз живого Шуршика видишь?

— Шуршика? — переспросила Милана.

— Шуршик, — важно повторило существо и даже слегка подбоченилось веточками, насколько это вообще было возможно с такими тонкими руками. — Шуршу всегда, шуршу везде. Так и зовут.

Он произнёс это с явным удовольствием, будто повторял любимую присказку в сотый раз и ни разу она ему не надоела, растягивая слово «везде» так, что оно прозвучало почти как песенка.

Милана подтянула колени к груди и обхватила их руками, усевшись на полу напротив него, одеяло так и свисало с кровати позади неё забытым хвостом.

— А ты не боишься? — спросила она тихо. — Я же тебя могла увидеть и закричать.

— А чего бояться-то, — пожал он плечевыми прутиками, и в этом движении было столько небрежного спокойствия, что Милана невольно улыбнулась. — Кричать все горазды. А вот под кровать заглянуть — не каждый решится. Ты решилась. Значит, не трусиха вовсе, хоть и боишься в темноте спать.

— Я не боюсь, — быстро сказала Милана и тут же почувствовала, что щёки у неё горят, потому что это была неправда, и, кажется, Шуршик это тоже понял, судя по тому, как блеснули его смолистые глаза.

— Ладно-ладно, — хмыкнул он, не став спорить. — Не боишься так не боишься.

Милана посмотрела на дверь своей комнаты, плотно закрытую, с биометрическим замком, который мама с папой включали на ночь, чтобы Чопа случайно не вышел бродить по квартире. Потом перевела взгляд на окно, задёрнутое плотной шторой, за которой чернела петербургская ночь и редкий снег, кружащийся в свете фонаря.

— А как ты сюда попал? — спросила она. — Дверь же заперта. И окно я тоже не открывала, папа всегда проверяет перед сном.

Шуршик фыркнул так, будто вопрос показался ему на редкость забавным, — коротко и совсем не обидно, скорее как смешок над чем-то давно привычным.

— Двери, окна, — протянул он, покачивая головой, отчего листья на капюшоне чуть зашуршали. — Это всё человеческое. Замки да задвижки. А я же не через дверь хожу.

— А как тогда? — не отставала Милана.

— Да никак, — он развёл веточками в стороны, будто это было самое простое объяснение на свете. — Подумал про твою комнату — и вот я уже тут. Думаю про ель в лесу — и я уже под елью. Никаких дверей не нужно, если умеешь думать правильно.

Милана нахмурилась, пытаясь понять, шутит он или говорит серьёзно, но лицо у Шуршика, насколько у шишки вообще может быть лицо, оставалось совершенно невозмутимым, будто он только что объяснил, как завязывать шнурки.

— Это ты сейчас придумал, — осторожно сказала она. — Так же не бывает.

— Не бывает, — согласился Шуршик с явным удовольствием, и в его смолистых глазах мелькнуло что-то озорное, похожее на искру смеха. — Много чего, говорят, не бывает. А я вот сижу у тебя на полу и шуршу уже которую ночь, и ничего, бывает же.

* * *

Шуршик покачался на веточках, будто устраиваясь поудобнее, хотя устраиваться ему, кажется, было особо некуда — так и сидел посреди комнаты, похожий на забытую под кроватью игрушку, которая вдруг ожила.

— А вот скажи, — спросила Милана, подтянув одеяло, свесившееся с кровати, себе на колени, — ты ко мне каждую ночь приходишь? Или просто так, случайно получилось?

— Случайно, — хмыкнул он, и его смолистые глаза блеснули так, что Милана сразу поняла: случайностью тут и не пахнет. — Случайно у людей бывает, когда носок потеряют. А у меня дело такое, положено мне. Слежу, чтобы в темноте всё спокойно было. У тебя в комнате — спокойно, у соседского мальчишки — спокойно, по всему городу хожу, у кого неспокойно — там и шуршу поближе.

— Значит, ты сторож? — Милана чуть наклонила голову.

— Сторож, — согласился Шуршик без особого восторга, будто слово ему не очень нравилось, но спорить было лень. — Только не с дубинкой хожу, а так, присматриваю. Вообще я за лесом Деда Мороза присматриваю, вдруг кто заблудится или или беда какая случится, я всегда на выручку приду. А теперь за лесом дроны и роботы разные присматривают. Я вот теперь как буд-то и не нужен стал.

Милана помолчала, глядя, как от его капюшона из листьев падает на пол крошечная, едва заметная тень. Она хотела спросить что-то другое, полегче, но вопрос, который давно уже вертелся где-то под рёбрами, сам вылез наружу раньше, чем она успела передумать.

— А я теперь боюсь, — сказала она тихо, уставившись на свои колени. — Раньше не так сильно боялась. А потом Глеб сказал, что Дед Мороз ненастоящий. Что это родители всё сами покупают и подарки под ёлку кладут. И с тех пор как будто... темнота стала другая. Пустая какая-то.

Она подняла взгляд на Шуршика, ожидая, что он скажет что-нибудь, что всё сразу расставит по местам, как в учебнике, где ответ написан мелким шрифтом внизу страницы.

— А это правда? — спросила она. — Что он ненастоящий?

Шуршик дёрнулся так, будто ему за шиворот сунули ледышку, и фыркнул с таким возмущением, что с его веток посыпались мелкие хвоинки, закружившись на полу между ними.

— Неправда, — выплюнул он это слово, как будто оно горчило на языке. — Терпеть не могу это слово. «Неправда». Будто кто-то решил, что раз сам не видел — значит, и нет ничего.

— Ну так правда или нет? — не отступала Милана.

Но Шуршик только прищурился, и в его глазах мелькнуло что-то хитрое, похожее на искорку от угольков, которые вот-вот погаснут, а вот-вот — наоборот, разгорятся.

— А ты сама как думаешь? — спросил он вместо ответа, и голос у него стал мягче, почти ласковый. — Вот ты меня под кроватью нашла. Шишку с ветками вместо рук. Разве такое бывает?

— Не бывает, — растерянно повторила Милана его же слова.

— Вот видишь, — удовлетворённо кивнул Шуршик, будто это всё объясняло, хотя на самом деле ничего не объясняло вовсе, и Милана почувствовала лёгкую досаду, смешанную с чем-то тёплым, похожим на смех, который ещё не вышел наружу.

— Ты просто не хочешь отвечать, — сказала она, и Шуршик засмеялся, тихо, по-лесному, будто ветер тронул сухие листья.

— Хитрый я, — не стал он спорить. — Но вот что я тебе точно скажу, и тут хитрить не буду. В темноте никогда не бывает пусто. Никогда. Это только кажется людям, что как свет выключили, так всё и исчезло. А на самом деле там всегда кто-то есть. Просто люди разучились замечать. Смотрят в черноту и видят черноту, а надо бы прислушаться.

Милана посмотрела на угол комнаты, туда, где у шкафа густела та самая темнота, которая ещё вчера казалась ей бездонной, полной чего-то холодного и неизвестного. Сейчас, глядя туда, она вдруг не почувствовала привычного холодка под лопатками.

— А там сейчас кто-то есть? — спросила она шёпотом, кивнув в угол.

— А кто ж его знает, — пожал плечами Шуршик с самым невозмутимым видом. — Может, мышь полёвка греется, может, ещё кто. Дело не в том, кто именно. Дело в том, что пустоты не бывает, если как следует прислушаться.

Милана задумалась, глядя то на угол у шкафа, то на Шуршика, сидевшего перед ней совершенно по-свойски, будто они были знакомы уже давно, а не второй раз в жизни. Рука её лежала на коленях рядом с кнопкой вызова на часах, и впервые за много ночей ей не хотелось до неё дотрагиваться. Впервые ей даже не хотелось включать свет, хотя раньше одна мысль о темноте заставляла искать выключатель раньше, чем страх успевал толком разгуляться.

Она сидела на полу, обхватив колени, и темнота вокруг больше не казалась ей чёрной дырой, в которую можно провалиться и исчезнуть. Она казалась просто комнатой, немного неосвещённой, в которой рядом сидит кто-то маленький, колючий и совсем не страшный.

* * *

Шуршик вдруг завертел головой, точно услышал что-то, чего Милана не могла расслышать вовсе: тонкий писк, или скрип, или чей-то далёкий зов. Веточки-ручки застучали по полу, будто он уже собирался бежать, хотя ноги его так и остались скрещёнными.

— Заждались меня, — пробормотал он, ни к кому особо не обращаясь, и покосился на угол у шкафа, потом на дверь, потом снова на Милану, как будто прикидывал, сколько времени у него осталось. — Дел невпроворот. У одной ёлки веточка подгнила, надо проверить. Да ещё белка обещала напомнить про что-то важное, а что — забыла, вот ведь зверь.

— Погоди, — Милана подалась вперёд, чуть не упав с колен на ладони. — Ты ещё придёшь?

— А то, — он фыркнул так, будто вопрос был глупее некуда. — Шуршу всегда, шуршу везде, я ж говорил.

Он уже наполовину развернулся спиной, капюшон из листьев качнулся, и Милана вдруг испугалась не темноты, а того, что он сейчас просто исчезнет, как будто его и не было, и она снова останется одна со своим страхом и кнопкой на часах. Она быстро протянула руку, не чтобы схватить, а просто ближе, как будто это могло его задержать.

— А расскажи ещё что-нибудь, — попросила она. — Про лес. Про то, откуда ты.

Шуршик замер, и в его смолистых глазах мелькнуло что-то весёлое и одновременно хитрое, как будто он придумывал, сколько правды можно сказать, а сколько припрятать на потом.

— Э, нет, — покачал он головой, — это долгий разговор, а время у меня, как назло, короткое. Да и зачем я буду рассказывать, если скоро сама всё увидишь.

— Увижу? Как это? — Милана нахмурилась, пытаясь понять, шутит он или нет.

— А вот так, — он пожал плечами-веточками, и в этом движении было столько довольства собой, что Милана невольно улыбнулась, хотя ещё и не понимала чему. — Если ваша семья соберётся да поедет туда, откуда я родом, тогда и увидишь. Там всего этого, — он повёл лапкой вокруг, будто имея в виду не комнату, а весь мир, — куда больше, чем под одной кроватью помещается.

— А где это? — быстро спросила Милана, но Шуршик уже как будто перестал быть целым, края его тела размазались, точно кто-то провёл по нему мокрым пальцем по акварели, и он весь сжался в маленькое мутное пятнышко у самого плинтуса.

— Куда это ты? Стой! — она потянулась рукой, но ладонь зачерпнула только воздух и темноту.

Пятнышко у плинтуса мигнуло напоследок, как уголёк, который то разгорается, то гаснет, и пропало вовсе. На один короткий миг комнату вдруг наполнил запах — не горький, не химический, какой бывает от освежителя в мамином флаконе, а совсем другой: сырого мха, какой, наверное, растёт на старых пнях, и мороза, настоящего, колючего, с примесью еловой смолы. Милана вдохнула этот запах всей грудью, будто боялась, что он исчезнет раньше, чем она успеет его запомнить, и действительно — через секунду в комнате снова пахло только обычным, тем, чем пахнет ночью любая детская: чуть пылью от обогревателя, чуть сладковатым средством для стирки с наволочки.

Она ещё посидела немного на полу, глядя в угол у шкафа, туда, где темнота густела плотнее всего, но страха не было. Там, за этой темнотой, как будто бы и правда кто-то жил своей тихой, незаметной жизнью, и от этой мысли на душе становилось не жутко, а как-то по-новому спокойно, словно она только что узнала важный секрет, которым почему-то не делятся со взрослыми.

Милана поднялась, цепляясь рукой за край матраса, и забралась обратно под одеяло. Ночник на тумбочке по-прежнему чуть подрагивал голубоватым светом, но ей вдруг совсем не захотелось проверять, горит ли он ровно или мигает. Она натянула одеяло до подбородка, повернулась на бок лицом к той самой темноте под кроватью, откуда ещё недавно торчали острые еловые ветки, и подумала о том, что где-то там, куда отсюда даже на самолёте не долетишь без пересадки, есть место, полное таких же шуршиков, запахов мха и мороза, которых обычные люди просто разучились замечать.

Засыпая, она уже не слышала ни скрипа паркета, ни тихого гудения кондиционера за стеной, ни далёкого сигнала чьей-то машины во дворе. Темнота обнимала комнату мягко, не пустотой, а чем-то живым и тёплым, и Милана впервые за долгие недели уснула, так и не дотронувшись до кнопки вызова на часах, с лёгкой улыбкой, застывшей на губах, будто она уже знала, что будет завтра.

* * *

Утром кухня встретила Милану запахом овсянки с корицей, которую умная плита варила по расписанию, подстроенному под биоритмы каждого члена семьи. Чопа крутился под столом, задрав мордочку, и то и дело тявкал коротко, по-деловому, будто напоминал: крошки не падают сами, их надо заслужить терпением.

— Глеб, убери ноутбук со стола, завтракаем же, — сказала мама, не отрываясь от своей тарелки.

Брат нехотя свернул голографический экран, где у него мелькали цифры — кажется, курс каких-то криптокоинов, которые он третий месяц отслеживал для школьного «финансового проекта», хотя Милана подозревала, что настоящего проекта там и не пахло.

Папа вошёл последним, уже одетый, хотя дома работал и мог бы сидеть хоть в пижаме, но у него была привычка собираться с утра по-взрослому, «для настроя», как он говорил. В руках он держал свой бумажный ежедневник, раскрытый на сегодняшней странице, и вид у него был такой, какой бывает у человека, который весь вечер придумывал, как бы повкуснее подать новость.

— А у меня, между прочим, новости, — сказал он, садясь и пристраивая ежедневник рядом с тарелкой, будто боялся, что без него забудет собственные слова. — Хорошие.

— Премию дали? — тут же спросил Глеб, не поднимая глаз от каши.

— Почти, — папа довольно хмыкнул. — Новогодний тур в резиденцию Деда Мороза. Представляете, за мои расчёты. Я две недели назад подал в компанию прогноз по логистике на зимний пик — ну, когда все заказы валом идут перед Новым годом, — и у меня сошлось почти один в один с фактом, процента на два всего разошлось. Начальство такое: ну надо же, живой человек посчитал точнее, чем их алгоритм. И предложили с очень большой скидкой тур в Великий Устюг, VIP-пакет . Семейный.

— Тур куда? — мама отложила вилку, глядя на него с тем самым выражением, которое у неё появлялось, когда она ждала подвоха в хорошей новости.

— Тур. Автобусный. Санкт-Петербург — Великий Устюг, — произнёс папа так, будто называл выигрышный лотерейный билет. — Выезд двадцать восьмого, в пятницу, с утра. Приезд тридцать первого, днём. VIP-пакет. Всё включено.

Он для верности постучал пальцем по странице ежедневника, будто там и правда было написано именно это, хотя Милана видела со своего места только ряд мелких галочек и стрелочек, понятных одному папе.

— Это же четыре дня, — сказала мама после короткой паузы. — Это мне нужно на работе отпрашиваться?

— Ну поработаешь удалённо. Резиденция там какая-то, терем, всё с голограммами, говорят, шоу дронов красивое. Плюс кормят, плюс гостиница от турфирмы, всё включено. — Папа явно наслаждался тем, как произносит слово «включено», будто само оно было маленьким чудом.

— А ты с нами едешь? — спросил Глеб, и в его голосе Милана уловила знакомую, цепкую нотку: брат уже что-то прикидывал в уме, как он делал всегда, когда речь заходила про деньги или подарки.

Папа вздохнул, и вся его гордость чуть просела, будто из воздушного шарика выпустили немного воздуха.

— Я, к сожалению, нет. У меня отчётный период перед Новым годом, конец квартала, сами понимаете. Накопилось. Если я сейчас уеду на четыре дня, меня там без меня заменят алгоритмом, а я этого алгоритма терпеть не могу, он мне в прошлый раз весь прогноз по северным маршрутам испортил.

— То есть ты отправляешь нас одних, — уточнила мама без всякого осуждения, просто фиксируя факт, как делала всегда, когда взвешивала что-то в уме.

— Не одних, а с комфортом, — поправил папа. — Я проверил, маршрут безопасный, автобус новый, гид сопровождает всю дорогу. Плюс я вас там всех вижу через трекер, если что.

Мама слегка усмехнулась одним уголком рта, как будто подумала что-то своё, но вслух ничего не сказала, только потянулась к стакану с водой.

— А путёвка оплачивает всё? — тут же спросил Глеб деловым тоном, каким обычно уточнял условия контрактов в своих онлайн-играх. — Еда, сувениры, фотосессии с Дедом Морозом?

— Еда и проживание — да. Остальное за свой счёт, но там как бы... — папа почесал затылок, — там сказали, что в этом сезоне у них какие-то новые форматы, платный контент, экскурсии повышенного уровня. В общем, разберётесь на месте.

— Значит, можно будет заработать, — пробормотал Глеб себе под нос, явно уже выстраивая в голове какую-то схему, но вслух развивать мысль не стал, вернулся к каше с таким видом, будто обдумывает квартальный отчёт.

Милана слушала весь этот разговор, не донеся ложку до рта, и овсянка потихоньку остывала, покрываясь тонкой морщинистой плёнкой. В голове у неё медленно, но верно складывалось одно к одному: Великий Устюг, терем, голоса, запахи мха и мороза, о которых говорил Шуршик ночью, исчезая у плинтуса.

«Если ваша семья соберётся да поедет туда, откуда я родом», — сказал он тогда. И вот папа произносит это название вслух, за завтраком, рядом с тарелкой овсянки и стаканом молока, будто это самая обычная новость в мире.

— А Великий Устюг — это далеко? — спросила она тихо, стараясь, чтобы голос звучал как можно более равнодушно, как будто её интересует просто география, а не что-то совсем другое.

— Далековато, — ответила мама, не глядя на неё, занятая своим ополаскивателем для рта, который доставала из сумки каждое утро с механической привычностью. — Там, где настоящая зима, не то что у нас, когда минус три и то снег редкость.

— Настоящая зима, — повторила Милана себе под нос, и ложка наконец-то добралась до рта, хотя овсянка уже и остыла.

Чопа под столом тявкнул ещё раз, требуя своей доли крошек, но на этот раз Милана его почти не услышала: она смотрела сквозь оконное стекло на серое петербургское утро, туда, где между крышами соседних домов едва виднелась полоска неба, и думала о том, что где-то там, дальше, за этой полоской, за тысячей километров пути, может быть, и правда начинается то

самое место, где воздух пахнет мхом и морозом, а под кроватями живут существа, похожие на еловые шишки с тонкими ветками вместо рук.